

17 125.6.43
orig not
re 28/11/60 -

ОПЫТЫ ЛИРИЧЕСКІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

138
2997
-1

ОПЫТЫ ЛИРИЧЕСКІЕ

И ДРУГІЯ МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ
ВЪ СТИХАХЪ

А. Воспокова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—o—o—o—o—o—o—
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Морской Типографіи 1805 года.

Печашано по одобренію С. П. бургскаго Вольнаго
Общества любипелей словесности, наукъ и худо-
жесшвъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

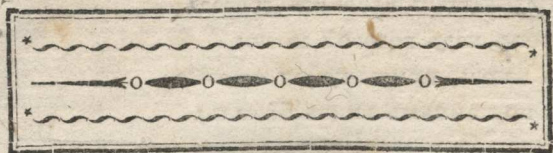
Нѣкопоры изъ сихъ спиховореній были за при года передъ симъ напечатаны, и нашли благосклонныхъ себѣ чишашелей; чшобъ оправдашъ снизхожденіе ихъ, предпринялъ Авторъ нынѣ издашъ *Лирическіе* свои *опыты* въ 2 хъ часпяхъ, съ нарочитыми поправками — не надлежало, конечно, издавашъ рано сіи опыты, копорые и послѣ поправокъ всегда оспанушся *опытами* — но дѣло сдѣлано. Автору оспалось, по крайней мѣрѣ, цѣною шщашельной выдѣлки закрышъ кое-гдѣ скудосшъ предмета. Успѣлъ ли онъ въ шомъ, предоспавляеишся судишъ чишашелю. Равномѣрно подвергаешъ онъ суду просвѣщенныхъ Кришиковъ новые размѣры спиховъ, взяишые, по примѣру Нѣмцовъ, съ Лапинскаго и Греческаго. Намѣреніе его было испышашъ ихъ на Русскомъ языкѣ.

Въ сей первой часпи первыя пѣс-
наццацѣ пѣсѣ принадлежатъ соб-
ственно Авшору, и вообще разпре-
дѣлены по порядку времени; послѣд-
нія одиннадцатѣ сущѣ переводы и
подражанія, по большой часпи весьма
вольныя.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

No.		Стран.
I	Фантазія, ода	1
II	Пѣснь Лунѣ	7
III	Зима, ода къ другу	12
IV	Тлѣнность, Диѳирамбъ	16
V	Осеннее устро	25
VI	Царство очарованій	28
VII	Богинѣ души моей, элегія	32
VIII	Парнасъ, или гора изящности	34
IX	Ода dospoйнымъ	44
X	Осень, ода къ Теону	46
XI	Видѣніе въ майскую ночь	50
XII	Къ Борею, въ 1 й день Маія	52
XIII	Восторгъ желаній	54
XIV	Къ солнцу	55
XV	Къ другу	57
XVI	Телема и Макаръ, или желаніе и блаженство, изъ Вольшера	59
XVII	Похвала баснословію, изъ того же	65
XVIII	Ибраимъ, съ Нѣмецкаго	67
XIX	Благодѣяніе, изъ Геллерша	69
XX	Радклифская ночь	70
XXI	Пишическое созерцаніе природы	73
XXII	Цирцея	78
	Канпашы Ж. Б. Руссо.	
XXIII	Амимона	81

No.	Стран.
XXIV Двѣ оды изъ Горация - - -	84
XXV Видѣніе Мусульманина , изъ Дораша	86
Примѣчанія къ первой части - -	97

Ф А Н Т А З І Я

Тебѣ, Олимпа дщерь священна,
 Тебѣ Фанпазія, мой гласъ
 И звучна арфа посвященна!
 Начпо крылатый мнѣ Пегасъ —
 Здѣсь можешь пы въ сѣни укромной
 Явишь мнѣ Пинда верьхъ огромной
 Каспальскій покъ, жилище Музъ!
 Уже воспоргомъ духъ пылаешъ,
 Твоей амврозіи алкаешъ
 И рвешся вонъ изъ плотскихъ узъ.

*

Спустися мглами или шучей,
 Налягъ, напольн собою лѣсь!

Раскинь рукой своей могучей
 Прохладну тѣнь густыхъ древесъ
 Шапромъ надъ головой моею;
 Чтوبъ ключь, крупящейся спезею,
 Тремя по камнямъ внизъ бѣжалъ;
 Пуспыннымъ гуломъ повшоряясь,
 И лисвій съ шорохомъ мѣшаясь,
 Твое присуществобъ возвѣщаль.

*

И вѣпры бѣ свирѣпѣшь престали,
 Къ землѣ со скрипомъ древо гнушь;
 Одни зефиры бѣ лобызали
 Младой весны цвѣтущу грудь.
 Въ швоемъ присуществіи, Богиня,
 И африканская пуспыня
 Творишся садомъ Гесперидъ!
 И дебри финновъ камениспы,
 И сѣверны поморья льдиспы,
 Теряюшъ свой унылой видъ.

*

Грядущихъ въ дальности сумрачной
 Сполѣшій рядъ, моимъ очамъ
 Яви сквозь швой покровъ прозрачной!
 что зрю?—сонъ скипшрамъ и мечамъ!
 Орель перзавшій Промеоея
 Опогнанъ—се грядешъ Аспрея! . . .
 О преблаженный смерпныхъ родъ!
 Любовью, миромъ наслаждайся,
 Дарами естества пишайся,
 Сбирай съ земли споричный плодъ.

Земной превыше атмосферы
 Вносишь Царь міра человѣкъ!
 Разширилъ ты познаній сферы,
 Къ началамъ всѣхъ вещей вослѣхъ;
 Спрѣлой паришь швой взоръ сквозь бездны,
 Ты круги облетаешь звѣзды,
 Ихъ испытуя вещество;
 Тобою взвѣшенъ міръ, измѣренъ;
 Высокъ швой умъ, разсудокъ вѣренъ;
 Свое поспигъ ты естество!.....

*

Пороки всѣ искоренились,
 Изсякъ плепворный оныхъ ладъ;
 Съ разсудкомъ спраспи помирились,
 Успроясь во взаимный ладъ:
 Прямое щасіе познали,
 И нагелами люди спали!!
 Но сбудетсяль сіе иль нѣтъ? . . .
 Вникашь глубоко не желаю,
 Къ другимъ предметамъ направляю
 Съ шобой Фаншазія полещъ.

*

Съ шобой я на Кавказъ взбираюсь,
 И въ жерло Эпны низхожу;
 Въ моря шумяція пускаюсь,
 И въ пишинѣ пустынь брожу.
 Исполненный благоговѣнья
 По необъятностямъ шворенья
 Я на крылахъ швоихъ парю!
 Во океанѣ звѣздъ купаюсь—

Но ввѣрхъ лечуль иль внизъ спускаюсь,
Бреговъ и дна нигдѣ не зрю.

*

Съ побой люблю я въ мысляхъ сладкихъ
Собрашь, успроишь, просвѣтишь
Народы—тигровъ къ крови падкихъ
Въ смиренныхъ агнцевъ превратишь.
Съ побой я изверговъ караю,
И добродѣтель награждаю,
Достойнымъ скиппры раздаю,
А угнѣвленнымъ всѣмъ свободу,
И человѣческому роду
Съ *Сентъ-Пьеромъ* вѣчный миръ даю і).

*

Тебѣ спихии всѣ послушны,
Послушны небеса и адъ.
Тамъ спроишь замки пы воздушны,
А тамъ садишь Армидинъ садъ.
Махнешь—и Грацій узришь пляски;
Воскликнешь—божества Парнасски
Сладчайшу пѣснь тебѣ гласящъ.
Фантазія многообразна,
Всегда нова, всегда прекрасна,
Ты шьму намъ даруешь опрадъ.

*

Коснися мнѣ жезломъ чудеснымъ,
Въ забвеніе сладко погрузи,
Къ святымъ селеніямъ небеснымъ
На крыльяхъ вѣпра понеси.
Пусть сладость рая предвкушаешь,
Пусть въ морѣ счастья утопаешь

Мой духъ исполненный оправдъ!
 Да опженешся всяка скверна;
 Прочь ненависть, прочь зависть черна;
 Коварства, льспи, и злобы ядъ!

*

Вселивыйся въ спранѣ блаженной
 Въ нее же возбраненъ вамъ ходъ,
 Совлекся я одежды брэнной
 Вознесися къ Ценстру всѣхъ добротъ.
 И се — — вознесся — наслаждаюсь!
 Озрѣлся вкругъ, и восхищаюсь,
 Повсюду совершенство зря! —
 Комнѣ сюда не приближайтесъ,
 Но въ мѣрѣ дольномъ оставайтесъ:
 Ошвергла васъ душа моя!

*

Все то, что спройно и согласно,
 Сліялось здѣсь въ моихъ ушахъ;
 Все то, что благо и прекрасно,
 Увидѣлъ взоръ мой въ сихъ мѣстахъ.
 Все то что душу возвышаетъ
 И съ божествомъ ее сближаетъ
 Черезъ нервы всѣ я внутрь беру;
 Ахъ, лъзяль мнѣ днесъ землей прельщатся;
 Тщесѣ, неправдѣ поклоняются?
 Пусть въ сихъ воспоргахъ я умру.

*

Но что — ужели исчезаетъ
 Пивавшая мой духъ мечта?
 Отъ уха пѣнье ушекаетъ,
 Отъ взоровъ райска красота!

Я съ содроганіемъ очнулся,
 Кругомъ печально оглянулся
 И зрю лишь дикій темный лѣсъ.
 Въ отвѣсъ на вздохъ мой, вѣспрь ревуцій
 И ключъ, въ гранитно дно біюцій,
 Шумящъ сквозь вѣшвіе древесъ.

*

Почто, Фанпазія всесильна,
 Покровъ снимаешь съ глазъ моихъ!—
 Печалей жапва епюль обильна,
 А роза-радосць—вянешъ вмигъ!
 Но должноль изъ шого шерзашься,
 И плакашь?—нѣшь; мы будемъ знашься
 Посланница небесъ, съ шобой!
 Когда ко мнѣ съ улыбкай входишь
 Ты всякую печаль опводишь
 И въ душу сладкій льешь покой.

*

Чшо есть жизнь смертныхъ?—сонъ единый.
 Блаженъ, пріятно кто мечпаль;
 Кто избѣгаъ умѣль кручины
 И щастливымъ себя счипаль!
 Кто могъ, сомкнувъ охопно вѣжды,
 Держася объ руку надежды,
 Прейши опважно жизни пущь;
 И незабошасъ по пустому,
 Подобно опроку младому
 Играшь, играшь . . . да и заснущь.

*

И такъ, пріятными мечпами
 Почаще духъ мой улаждай;

Живыми, нѣжными цвѣтами
 Дорогу къ смерти усыпай,
 И будь мой ангелъ благодѣтель!
 Ты одекаешь добродѣтель
 Небесныхъ Грацій въ златъ хитонъ;
 И насъ красой ея плѣняя,
 Велишь, Фантазія благая,
 Любить святой ея законъ.

 II

ПѢСНЬ ЛУНѢ.

Привѣшпвую тебя, о Цинтія младая!
 Изходишь изъ ночныхъ печальныхъ шучъ,
 И взоръ умильный осклабляя,
 Лишь свой ясныѣ, тихій лучъ
 На горъ хребты, въ поля безмолвны,
 На дремлющій въ шуманѣ лѣсъ,
 И сыплешь на капящія волны
 Сребро свое съ небесъ.

Какое зрѣлище, свѣспилъ нощныхъ царица,
Являешъ пы моимъ воспорженнымъ очамъ:

Плывешъ пвоя жемчужна колесница

По сизымъ облачнымъ зыбямъ.

И ночь опъ ней бѣжишъ—земля въ своей дремошъ

Мечпашъ быши снова дню;

Но пы, о крошкая, препишъ дневной забошъ

И любишъ сладку пишину!—

Теперь и въперокъ съ Сильфидой

Шепташъся въ рошъ пересталъ:

Волшебный зракъ пвой сребровидной

Его очаровалъ.

И нимфы сихъ пощокъ чистыхъ,

Твой образъ дѣвственнй любя,

Во осѣненъи древъ въпвиспыхъ

Являюшъ на спруяхъ себя;

Нерѣидъ сонмъ средъ моръ изникъ въ кругахъ спру-
испыхъ,

И роги раковинъ Тришонъ вознесъ, прубя.

А здѣсь на въпкѣ воспѣваешъ

Среброгортанный соловей,

И восхищенье изражаешъ

Онъ прелію своей.

Фіалка крошкая, ночная,

Опъ сладкихъ нѣдръ свой въ жершву духъ

Тебѣ, богиня, возсылая,

Росистый окурила лугъ.

Лишь филинъ, сынъ угрюмой ночи,

Твой ясный ненавидишъ свѣщъ;

Онъ съ шрепешомъ сжавъ мушны очи

Въ дупло свое ползеть.

Луна, не истинѣль подобна ты святой!

А пища темная неправдѣ—ибо шой

Противно просвѣщенъе,

Любезенъ лишь душевный мракъ;

Ей истины небесной зракъ

Наводитъ ослѣпленъе.

Но ахъ, за пучу скрылась ты:

Какъ дѣва скромная похвалъ себѣ спыдишься?—

Нѣтъ! въ новомъ блескѣ красоты

Явилась ты опяшь: въ кристалъ ручья глядишься.

Съ веселіемъ ручей въ себѣ пвой образъ зришь;

Онъ спруйкамъ не великъ игривымъ колыхаться,

И спелешся стекломъ, недвижимо лежишь,

Чтобъ долѣ зрѣлищемъ волшебнымъ наслаждашься!

Ахъ, никогда ты споль прелестна

Мнѣ не казалась, нѣжна луна!

Въ блескѣ перловомъ убранства небесна,

Споль восхищительна, сполько ясна!

Или украсившись для паспуха любезна

Течешь ты посѣпишь его средь тонка сна? . .

На Лашмосѣ многолѣсисомъ 2)

Твой милый спишь Эндиміонъ,

И бурны вѣтры наглымъ свисомъ

Его прервать не смѣють сонъ.

Амуры одръ покойный

Послали средь цвѣшовъ,

Надъ онымъ въ полдень знойный

Сплели зеленый кровъ,

За тѣмъ чѣмъ жаръ полдневный
 Не жегъ его ланишь;
 Эндиміонъ блаженный
 Хранимъ любовью спить.

Онъ спить сей юноша прелестный,
 Любимецъ чистой красоты;
 Онъ спить—веселія небесны
 Ему во снахъ являешь ты:
 Все радостью и щастьемъ дышетъ,
 Смѣется все его вокругъ;
 Онъ голосъ дѣвъ Парнаскихъ слышитъ,
 И спрунь Аполлоновыхъ звукъ.

Видитъ пляску Грацій нѣжныхъ
 Онъ на бархатныхъ лугахъ,
 Въ элисейскихъ, безмятежныхъ,
 Восхищительныхъ поляхъ,
 Оно амврозію вкушаетъ,
 Нектаръ благовонный пьетъ;
 Жизнь божественну мечтаетъ

И спить, нечувствуя заботъ.

Спѣши, Прекрасная, его умножишь щастье,
 Въ объятіяхъ любви покоемъ насладишь;
 Безсмертны боги всѣ любви покорны власти,
 Носить оковъ ея пріятныхъ не спрашисъ!

*

На блещущемъ престоѣ возлегая,
 Глубокой ты внимаешь тишинѣ;
 И свѣтъ волшебный разливая,
 Смѣешься кропко мнѣ!

Волнистыя вдругъ шучи нагоняетъ
Зефиръ, пвой опъ меня скрывая взоръ;
Но вопъ ояпъ онъ рѣзво увлекаетъ
Леткоплывущихъ облакъ флёръ . . .

Ахъ, не надолго!—ты уже свершилъ гопова
Небесный пупъ; съ побой разстаться долженъ я!
Се въ нѣдрахъ облака густова
Сокрылась, обѣливъ одни его края . . .

И ночь свой черный скиптръ уже приемлетъ паки
Чшобы покрыть природу мглой;
Блуждающъ призраки вокругъ ея полпой,
И шихй сонъ свой повсюду спелетъ маки.
Всё—всё въ молчаньи!

И соловей ужъ не поётъ;
Лишь источника журчанье
Сквозь кустарникъ въ слухъ мнѣ бѣётъ.
Ахъ прощай, свѣшало ночи,
Циншя, поэтовъ другъ!
Зрѣшь тебя стремятся очи;
Пѣшь тебя стремишся духъ:

*

Свѣшила дневнаго злая колесница
Когда во океанъ вечерній погрузишся,
Угаснушъ сумерки, и все обыметъ мгла,
Тогда ты посѣпи дубравы и луга;
Будь мнѣ подругою въ святомъ уединеннй,
Забошъ моихъ шуманъ лучемъ своимъ разсѣй,
И вмѣстѣ съ онымъ мнѣ въ смущенну душу лей
Бальзамъ успокоенья!

III.

ЗИМА

Ода къ другу.

Въ 1799 мѣ году.

Опѣ ладоги на бѣлыхъ льдинахъ
 Течешъ зима къ намъ по рѣкѣ;
 Глава сей сшарицы въ сѣдинахъ,
 Желѣзный скипшрь въ ея рукѣ;
 Куда его ни просшираешъ,
 Вездѣ природа умираешъ;
 Недвижимъ взоръ ея суровъ;
 Трясешъ замерзлыми кудрями,
 И кроешъ снѣжными буграми
 Увядшій злакъ долинъ, лѣсовъ.

Течешъ, и льдами разсѣкаешъ
 Поверхносшь бурныхъ, Невскихъ водъ,
 И свой въ шріумфѣ продолжаешъ
 Медлительный и важный ходъ—
 Пришла—и льды ошановились,
 Надъ влагой пѣнистой спѣснились
 И скрыли оную опѣ глазъ;
 Вошще валы подѣ льдами воюшъ;
 Сей кровъ споль пшвердый не пророюшъ,
 Чшо изъ воды же создалъ мразъ.

Зима печальна спаросшь года,

Пришла по осени златой;
 Осиротѣла вся природа,
 Ивановъ, другъ любезный мой!
 Ахъ, скоро вѣчности пучина
 Сего времянь поглотитъ сына,
 И сей уже не будетъ годъ!
 Къ Лапландцамъ мразъ уйдетъ суровый;
 Какъ Фениксъ, годъ родился новый
 И узритъ вновь весны приходъ.

*

И нашихъ дней зима наступитъ,
 И чувствъ огонь погаситъ въ насъ;
 Ослабитъ память, умъ изгубитъ,
 И разольетъ по жиламъ мразъ.
 Доколѣ смерть насъ не изыметъ
 Изъ узъ тѣлесныхъ, и подыметъ
 Предъ нами вѣчности покровъ:
 Мы тамъ въ спранахъ священныхъ вселимся,
 Гдѣ съ бѣдсвомъ, съ нуждой разлучимся,
 Гдѣ нѣтъ пирановъ, ни рабовъ.

*

Но прежде претечемъ исправно
 Начертанный судьбами кругъ;
 Пошцимся съ пользою жить—и славно
 Умремъ пошцимся, милый другъ!
 Пойдемъ дорогою прямою,
 Она къ душевному покою
 Ведетъ подъ божескій покровъ.
 Окажемъ къ слабымъ снисхожденье,
 Къ порочнымъ жалость, къ злымъ презрѣнье,
 А къ добрымъ жаркую любовь.

Мой другъ! ни предъ какимъ кумиромъ
 Не спанемъ ползашъ мы змѣей!
 Но въ мирѣ уживемся съ міромъ 3)
 Въ спокойной хижинѣ своей.
 Когда же гнѣвными судьбами
 Польется чаша золь надъ нами,
 Сносишь съ терпѣньемъ будемъ то:
 Изъ сердца изженемъ ропшанье,
 И взложимъ швердо упованье
 На всеблагое Божество.

*

Теперь, Ивановъ, можемъ зваться
 Весенними сынами мы;
 Еще не скоро прикасашся
 Къ намъ хладу жизненной зимы:
 И шакъ, прилѣжно ниву вспашемъ,
 Чтобъ въ юношескомъ сердцѣ нашемъ
 Привязанность къ добру росла;
 Чтобъ въ жаркую годину лѣта,
 Огнемъ благихъ спрасшей нагрѣла,
 Плоды намъ въ осень принесла.

*

Теперь вокругъ насъ Амуры вьются,
 Изъ свѣжихъ миршъ вѣнки плещутъ;
 Всѣ удовольствія смѣются,
 И всѣ цвѣты забавъ распушъ.
 Сорвемъ попавшую розу;
 Но осторожно, чтобъ занозу
 Намъ опъ шиповъ не получишь:
 А то, мой другъ, и прежде сроку
 Узнаемъ зиму мы жестоку

И для болѣзней будемъ жишь.

*

О нѣшь! Умѣренность благая!
Тебѣ пошщимся мы внимаешь;
Твои законы соблюдая,
Болѣзней можемъ мы не знаешь;
И скуки, дщери пресыщенья,
Не успрашимся приближенья,
Твоимъ щипомъ ограждены:
Для насъ здоровіе небесно,
Сіе швое дщия прелесннн
Продлишь еще весенни дни.

*

Когдабъ сердечной симпатіей
Подруга мила намъ нашлась,
Кошораябъ любви свящныя
Влеченью съ нами предалась!
Чшобъ намъ подпорою въ напасши
Служила—въ щасщии и въ нещасщии
Чшобъ вѣрной спущницей была!
Взлелѣяна для насъ Судьбою,
Не сполько виѣшней красопою
Сколь сердцемъ и душой мила . . .

- - - - -
- - - - -

Тогда-шо буду наслаждаться
Возможнымъ щасщьемъ на земли!
И пущь бы съ Нею мнѣ скипашься
Въ степяхъ, и въ пошѣ и въ пыли:
Двухъ любящихся поспояншво
Судьбины побѣдишь шираншво,

Превыше рока насъ взнесетъ;
 И смершь пришедши къ намъ украдкой
 И насъ заспавъ въ дремоу сладкой,
 Въ свои обьяпія возметъ.

*

Но всё, мой другъ, вмѣнимъ во благо;
 Всего спокойно будемъ ждашь:
 Сопворшій насъ, не можешь злаго
 Своимъ шворениямъ желашъ!
 И естли Промыслу свяшому
 Угодно положишь препону
 Желаньямъ юношескимъ симъ,
 Въ безмолвіи предъ нимъ приникну,
 И съ теплою вѣрою воскликну:
 Великъ Господь! Непоспижимъ!

IV.

ТЛѢННОСТЬ.

Среди шумящихъ волнъ сѣдаго океана
 Со удивленіемъ вдали мой видишь взоръ
 Одну изъ высочайшихъ горъ.
 Древами гордыми глава ея вѣнчанна,
 Изъ бездны водъ она поднявшись вверхъ споишь,
 И вокругъ себя далеко зришь.

Огромные куски гниша
 Копорыхъ древняя поверхность мхомъ покрыва,
 Съ боковъ ея торчатъ, навѣсясь на валы:
 Чудовищнымъ сосцамъ подобны тѣ скалы;
 Изъ оныхъ сильныя бьютъ съ ревомъ водопады
 И часто каменны оппоргнувши громады,
 Влекутъ на дно морей съ собой;
 Съ ужаснымъ шумомъ низпадая,
 Всю гору тѣной обмывая,
 Они раждаютъ громъ глухой.
 Пловецъ чуть чуть отъ спраху дышетъ;
 Онъ мнитъ во ужасѣ, что слышитъ
 Циклоповъ въ наковальню бой—
 И Кипъ приблизиться не смѣетъ
 Къ подножью тѣхъ грозящихъ скалъ,
 Къ нимъ даже, кажется, робѣетъ
 Коснувшись разъяренный валъ.
 Спихій надменный побѣдитель
 Сей камень какъ Апланъ споитъ небодержитель.
 Воище Непсунъ своимъ презубцемъ
 Его спремится сдвинуть въ хлябь;
 Смѣется онъ громамъ и пучамъ,
 Эоль, Непсунъ, въ борьбѣ съ нимъ слабъ.
 Плечами небо подпирая,
 Онъ спалъ на днѣ морскомъ пашой,
 И грудь кремнисту выспавляя,
 Зоветь моря на бой.

И бурныя волны
 На вызовъ текутъ;

Досадою полны,
 Въ него опивсюду неослабно бьютъ;
 И свивущіе Аквилоны
 На шумныхъ крыліяхъ грозу къ нему несутъ.
 Но вѣтры, волны, громы,
 Его не попрясутъ.
 Ихъ щещенъ шрудъ.
 Перуны въ пучахъ поухають,
 Громъ молкнеть, вѣтры оплешають,
 Валы бока его ребрисы опѣняють,
 И съ шумомъ вспяшь бѣгутъ.

Я зрѣлъ: на сей громадѣ дикой
 Тысящелѣпній дубъ стоялъ,
 И около себя великой
 Шапиръ вѣшвями проспираль.
 Глубоко прирцашью корнями
 Въ кремнистой почвѣ ушвержденъ;
 И день и ночь борясь съ вѣтрами,
 Прошиву ихъ спалъ крѣпокъ онъ.
 Подъ нимъ покровъ свой находили
 Спаницы многи пищъ морскихъ,
 Безъ опасенья гнѣзда вили
 Въ дуплахъ его, въ вѣшвахъ густыхъ.
 Столѣнья мимошедъ, дивились,
 Его масшишу древность зря;
 Играла ли надъ нимъ румяная заря;
 Или сребрисы мглы вокругъ его носились.
 Но дни его гордыни длились

Не вѣчно: вѣспрь завылъ, воздвиглися моря;
 Пучина водъ надулась и вскипѣла,
 Густая съ норда навалила мгла;
 Тогда, казалось, опъ спраху обомлѣла
 До самыхъ нѣдръ своихъ великая гора:
 На дубахъ лисствѣ боязненно шептали,
 И пищицы съ крикомъ въ нихъ укрышія искали,
 Единъ лишь пребылъ швердъ ихъ рождшій великанъ.

Но буря сдѣлалась еще, еще страшнѣе;
 Съкома молньями ложилась ночь мрачнѣе,
 И гость ея свирѣпый Ураганъ
 Спрямя повсюду смерть, взрылъ къ шучамъ океанъ.

Изъ сильныхъ успъ своихъ дыханіемъ палящимъ
 Онъ хаосъ разливалъ по облакамъ гремящимъ
 Волнуя и гоня, и угнѣтая ихъ.

Дебелы прупы чудъ морскихъ
 Ударами его на самомъ днѣ убишыхъ,
 И часпи кораблей разбишыхъ
 Мешалъ онъ по водамъ.

Могила влажная раззинулась пловцамъ,
 И спрашно вдалекѣ имъ буря грохошала:

Перунами она и шупъ и шамъ сверкала,
 И часто вся гора являлась мнѣ въ огнѣ. . .

Но—не мечпается ли мнѣ?

Вдругъ съ блескомъ молніи ударилъ громъ ужасный
 И раздробленъ въ щепы лежитъ
 Тысящелѣтній дубъ, сей сынъ холмовъ прекрасный!

О плѣнности прискорбный видъ!

Не таколь низится гордыня?
 Казалось, при паденьи сына
 Объемлетъ гору ваящій страхъ;
 И въ каменныхъ ея сосцахъ

Изякли водопады . . .

Еще боязненны шуда кидая взгляды,
 Ахъ, что—что вижу я! громада та преципъ
 Въ широкихъ ребрахъ разсѣдаясь,
 Скалами спрашными на часши разпадаясь,
 Она какъ будто бы опъ ужасу дрожишь!—
 Землетрясеніе! духъ, адомъ порожденный!
 Сей побѣдисьель волнь, боець neodолбный,
 Который всѣ стихіи презираль,
 Противъ тебѣ не устояль,
 Онъ палъ! . . .

Еще въ умѣ своемъ я зрю его паденье:
 Удвоиль океанъ погда свое волненье,
 Удвоиль вихрь свой свиспъ, громъ чаще слышенъ спалъ;
 На вспрѣчу къ молніямъ подземный огнь взлепалъ,
 Изъ нѣдръ разперзанныхъ выскакивая горныхъ.

Уже въ немногихъ глыбахъ черныхъ
 Которы изъ воды порчапъ,
 И сѣрный дымъ густой родяпъ,
 Той величавыя громады,
 Что нудила къ себѣ всѣхъ плаващелей взгляды;
 Остатки зрю.

Она подобна еспъ Царю;
 Который власпю заяпю гордится;
 Но славы испинной не щидися

Дѣлами добрыми спяжашь;
И Бога правды не спрашивая
Неправдой раздражашь!

Но еслибъ былъ знакомъ съ своими должностями,
Царь только надъ спрашивая,
А предъ закономъ рабъ;

Великимъ испиино онъ названъ былъ погдабъ;
Тогдабъ не лешъ одна его увѣчивала
Нечиспымъ, вянушимъ своимъ вѣдомъ;

Сама бы испинна *Отества отцомъ*,
И добродѣтельными его именовала.

Такого видѣли въ Великомъ мы Пешрѣ,
И во Впорой Екашеринѣ;

Такого приобрѣспъ желаемъ Россы, нынѣ
Въ новопоспавленномъ у насъ младомъ Царѣ!

Безъ добродѣтелей, и впрямъ, земной владыка
Есть на среди зыбей морскихъ гора велика,
Которой вышина и живописный видъ
Вдали хотя пловца плѣняетъ и дивитъ,
Но быспрый водъ порывъ, каменія ужасны
Для судна мирнаго его вблизи опасны.

Блаженъ, кто въ жизни океанъ

На суднышкѣ своемъ пуспившись,

И на мѣль не попавъ, къ скаламъ не приразившись,
Безъ многихъ сильныхъ бурь до шѣхъ доходитъ спранъ,
Гдѣ ждетъ его покой душевный!

Но ждетъ того удѣлъ плачевный

Кто равенъ былъ шебѣ, низринутый колоссъ!
Чѣмъ выше кто чело надменное вознесъ,

Тѣмъ ниже упадаетъ.

Рука Сапурнова съ лица земли сметаесть
 Людскую гордоссть, блескъ и славу, яко прахъ.
 Напрасно мнятъ они въ воздвигнушихъ сполнахъ
 И въ сводахъ каменныхъ пѣмулъпней пирамиды
 Сбережъ свои дѣла опъ злой вѣковъ обиды:
 Ко всѣмъ вещамъ какъ плющъ, привьется ѣдкій
 плабнъ,

И все есть добыча временъ!

Міры родяпся, мрушъ—сей древенъ, пошъ юнѣешъ..
 И имъ единая съ червями учась спѣешъ.

Равно и намъ!

А мы!—безумные! предавшись всѣмъ спрасямъ,
 Бѣжимъ ко пагубѣ по скользкимъ ихъ пушамъ.

За чѣмъ не держимся всегда златой середины
 На коей всякій даръ божественной судьбины

Лишь въ пользу служишь, не во вредъ—

Коль продолжисьельности нѣшь

Ушѣхамъ жизненнымъ—по спанемъ оспорожно
 И съ мѣрою вкушашъ, чпобы продлишь коль можно
 Срокъ жизни испинной, срокъ юныхъ, здравыхъ
 лѣшь,

Способностей, ума и наслажденій время,
 Когда насъ не шягчишь заботъ прискорбныхъ бремя,
 Забавы, радости когда объемлютъ насъ—

Не слышимъ какъ за часомъ часъ

Украдкою опъ насъ уходитъ;

Забавы, радости, уводишь.

А старость хладная и всѣхъ ихъ уведѣтъ,

И смерть заспанеть насъ среди одиѣхъ заботъ.

Смерть! . . . Часно хищница сія толико злая,

Моленію любви ни мало не внимая,

Жнеть оспріемъ своей всерѣжущей косы

Достоинства и умъ, и юность и красы!

Во младости весеннемъ цвѣтѣ

Я друга сердцу потерялъ!

Еще въ своемъ двадцатомъ лѣтѣ

Прекрасну душу онъ являлъ.

За милый нравъ простой, за искренность сердечну;

Всякъ долженъ былъ его, узнавши, полюбить;

И съ нимъ поговоривъ, всякъ склоненъ былъ открытъ

Себя ему всего, во всёмъ, чистосердечно:

Такую могъ Филонъ довѣренность вселить!

Видъ привлекашелей, взоръ огненный любезный,

Склоняя полъ къ нему прелестный,

Общевалъ въ любви успѣхъ;

Веселость чистая была его стихія:

Онъ думалъ: посвящу я дни свои младыя

Любви и дружеству; жить буду для успѣхъ.

Какой прекрасной планъ его воображенъ

Чертило для себя

Въ сладчайшемъ упоеньи:

Природы простоту и сельску жизнь любя,

Онъ выбралъ хижинку, при коей садикъ съ нивой;

Чтобъ въ мирной тишинѣ вести свой вѣкъ щастливой.

Всего прекраснаго Филонъ любилъ былъ;

Такъ лъзя ли чтобъ предметъ во всёмъ его достойной

Чувствительнаго не плѣнилъ?

И близъ себя, въ своей онъ хижинѣ спокойной

Уже имѣлъ драгой и рѣдкой сей предметъ!

Теперь на свѣшѣ кто блаженнѣе Филона?

Ему не надобенъ ни скипетръ ни корона,

Онъ Элисейску жизнь ведетъ!

Увы, мечта! Филона нѣтъ!! . . .

Филона нѣтъ!—болѣзнь жестока

Похитила его у насъ.

За чѣмъ неумолимость рока

Прешила мнѣ во оный часъ

При смерти друга находишься?

За чѣмъ не могъ я съ нимъ въ послѣдніе проститься;

За чѣмъ не могъ я въ душу липъ

Ему при смерти утѣшенъе;

Не могъ печальное увидѣшь погребенъе,

И хладный трупъ его слезами оросишь . . .

Къ кончинѣ ранней сей, увы, и неизбѣжной

Я такъ жебъ милаго приутоповишь могъ,

И изъ обѣщаній дружбы нѣжной

Его бы душу принялъ Богъ 4).

Когда, богиня непреклонна,

Меня серпомъ своимъ пожнешъ;

О, будь тогда комнѣ хоть мало благосклонна;

И жизни нишъ моей тихонько перерѣжь!

Не дай чшобы болѣзни люшы

Въ мои послѣднія минушы

Ослабили и плоть и духъ;

До часу смерти роковаго,

Пусть буду непріятель злаго,

А добраго усердный другъ.

Когдажъ я бѣдный совращуся
 Съ прямаго къ истинѣ пуши;
 Въ шуманяхъ, на спезю порока заблужуся;
 Тогда, о смерть, ко мнѣ помощницей леши,
 И силою меня ко благу обрати.

Внемлю зывающихъ: всѣ въ мѣрѣ вещи плѣнны.

Не жалуйся слѣпая шварь!

Вѣчна маперія, лишь формы перемѣнны:
 Источникъ бытія, Вседвижипель, Всецарь,

Есть вѣчная душа вселенной.

А ты смирись предъ Нимъ, безмолвствуй, уповай,
 И съ благодарностью участокъ свой вкушай!

V.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Въ Октябрѣ 1800 года.

Сѣры, волнисты, тучи дождливы

Медленно сѣются врознь;

Сребрено ложе флѣровыхъ облакъ

Нѣжну покоишь луну.

Мраки рѣдѣя, взору опкрыли

Спящу природу вездѣ;

Пѣнисты воды, съ горъ низпадая,

Кажущя млечнымъ сполпомъ.

Эхо утесовъ, карканье врановъ

Внемлющимъ впоришь полямъ;

Впрочемъ, повсюду сонъ и безмолвье:
Изрѣдка слышишся гуль.

Мало по малу холмы яснѣють,
Мраки уносясь въ боръ;
Пѣтель гласящій дремлющи села
Къ ушреннимъ кличетъ шрудамъ.

Думы, заботы, горестъ и радость,
Въ оныхъ проснулись шеперь:
Скрыпили шворы; слышенъ ужъ часшый
Бой молошшихъ цѣповъ.

Къ мрачнымъ дубравамъ пушь я направляю,
Къ осени вниду во храмъ;
Вѣшерь бушующъ съ свисомъ проношишь
Бурю сквозь вѣшви древесъ.

Мершвыя шравы, желшыя лисшья,
Тщешно кропяшся дождемъ:
Хладну лишъ землю онъ напаяя,
Сячешся шихо въ нее.

Море шумановъ долъ облегаешъ,
Медленно къ небу взносясь;
Въ сладкомъ забвеньи духъ мой спремишся
Вмѣстѣ съ шуманами вверъхъ.

Плавая всюду, все обнимаешъ,
Легкихъ касаешся шучъ;
Мчишся съ восшоргомъ выше и выше,
Къ дальнымъ несешся мірамъ.

Сколь безконечно, благо, премудро

Создалъ вселенную Богъ!

Неизмѣримоспѣ звѣздами смогришъ;

Видишъ повсюду себя! . . .

Скоро предъ упромъ скроются звѣзды

Всѣ въ вышинѣ голубой;

Ночи свѣпило въ пучахъ попопишъ

Сребропомерклый свой шаръ.

Небо пріяло упренню ясность;

Блѣдна, осення заря

Видишъ въ уныныи пучу, гошову

Нѣ весь день солнце закрытъ—

Древо склонивши голыя сучья,

Смогришъ на листьѣ свои,

Кои упали къ корню, и плѣются

Подлѣ родившаго ихъ,

Но въ одѣялѣ мягкаго снѣга

Землю они упучнивь,

Въ сокѣ живящемъ паки весною

Къ снѣблямъ своимъ воспекутъ;

Паки разцвѣвши, свѣжесью новой

Чувства восхипяшъ мои!

Все превращаетъ видъ свой въ природѣ;

Не исчезаетъ ни что—

Машеръ природа! сколь благодатна,

Сколько ты къ чадамъ щедра!

Въ осень сырую, въ зиму сурову,

Благословляю тебя!

Еслибъ ненастья, бури и спужу
 Смертный не зналъ никогда,
 Могъ ли бы лѣтомъ онъ наслаждашься,
 Сердцемъ весною цвѣсти:

VI

ЦАРСТВО ОЧАРОВАНІЙ

Межъ тѣмъ какъ мрачна ночь въ долинахъ распро-
 сшерлась,
 Я по спускѣ скалъ взошусь на шею горъ.
 Юдоль воздушнаго пространства мнѣ опверзлась,
 Въ неизъяснимостяхъ блуждаетъ смутный взоръ:
 Не зрюль царя духовъ чудесные чертоги?
 Тамъ сводъ изъ жемчуговъ, столпы изъ кристалей;
 Но къ нимъ шуманныя и зыбкія дороги
 Возводятъ лишь однихъ духовъ и мощныхъ Фей
 Волшебствомъ окрилены ноги.

Какой блистательный, великолѣпный видъ!

Я зрю шамъ пляски Сильфовъ и Сильфидъ
 Тамъ облаки, разоспанны вѣтрами,
 Волнуются сребристыми коврами
 Опъ легкаго прикосновенья ихъ.

О, можноль выразить всю прелестъ плясокъ сихъ?

При сладкомъ вздохѣ флейтъ эфирныхъ,
 При звукѣ нѣжныхъ Цигръ, и Арфъ гремящихъ,
 сильныхъ,

Взаимно руки ихъ сплелись;
 Они какъ молніи взвились
 Въ мистическомъ круженьи быспромъ;
 При лунномъ свѣтѣ чистомъ.

Протяженъ вдругъ наспаль, величественъ ихъ ходъ;
 Возславши взоръ и слухъ вперяя въ звѣздный сводъ,
 Гармоніи текущихъ сферъ внимающъ,
 И шествіе хорное къ нимъ примѣняющъ

Но се разсыпавшись, какъ рѣзвы мопылки
 Съ зефиромъ въ запуски спремаяся на цвѣпки,
 Туда, сюда виляющъ,
 Какъ лебеди плывущъ, какъ голубки порхающъ,
 И погружаяся въ серебряной росъ,
 Милуются въ своей божественной красѣ.

Держа волшебные жезлы въ десницахъ;
 Очаровашели въ агапныхъ колесницахъ,
 Таинственныхъ торжествъ, гремя, въѣзжающъ въ
 храмъ.

Несутся въ пишицѣ прекрасны Феи тамъ;
 Бѣлошпанныхъ одѣяній
 Въ покровъ онѣ облачены;
 Піюшъ источникъ волхвованій
 Изъ рога полного Луны.

На возвышенныхъ грудяхъ ихъ
 Опъ вздоховъ движущся черноогнисты зоны;
 Таинственно обвивши оны
 Вкругъ чреслъ, вкругъ поясницъ своихъ;

Спѣшаютъ въ глубокой нутрь чертоговъ шѣхъ чудес-
ныхъ;

Священный ужасъ зрю на лицахъ ихъ прелестныхъ,
Дрожаща межъ рѣсницъ слеза у нихъ видна,
Кошорую сребришь смѣющаяся Луна!— —

Паки внезапно арфы играютъ,
Слаще и слаще флейпы вздыхаютъ,
Весело цитры бренчатъ.
Сильфы, Сильфиды, гдѣ ни взялися,
Паки въ круженьи быспромъ взвились,
Вихрями воздухъ кружатъ.

Разкрылися врапа миспическихъ чертоговъ,
И бархатны ковры съ серебрянныхъ пороговъ
Капятся съ шумомъ внизъ;
По онымъ въ шоржеспвѣ снесли
Волшебниковъ, волшебницъ сонмы,
Духовъ несчетны миліоны...

Сей милый юноша конечно Оберонъ
Съ жезломъ своимъ лилейнымъ?

Всѣ шествуютъ за нимъ съ лицомъ благоговѣйнымъ,
Чипая письмена своихъ волшебныхъ зонъ.

Сколь важень, сколь прелестень онъ!
Достойно Виландъ лишь, или Шекспиръ опишетъ
Царя волшебниковъ безсмертну красоту!

Когда самъ Оберонъ мнѣ силъ не вложитъ свыше,
Гдѣ словъ для мыслей обрѣшу?— —

Блισταюще, приятень,
Осанистъ и спашень,
Онъ юношью цвѣль;

Благимъ и умильнымъ;
 Божественно сильнымъ
 Онъ взоромъ смопрѣль;
 Триумфомъ одѣянъ,
 Въ пушъ лапомъ усѣянъ
 Онъ съ важностью шель.

Тишанія въ вѣнцѣ изъ алыхъ розъ неплѣнныхъ,
 Выходишь вмѣстѣ съ нимъ;
 И шихая любовь въ ея очахъ священныхъ;
 Она гордишся дорогимъ! — —

*

Подъ звукомъ горнихъ спрунъ они по пучамъ хо-
 дяшъ,

Туманы въ дальность ихъ глубокую уводяшъ;
 И пихнешъ понемногу голосъ лиръ,
 И исчезаешъ легкокрылыхъ Сильфовъ шорохъ;
 Я ухомъ вникъ: еще несешъ комнѣ зефиръ
 Дрожащи тонки звуки дальныхъ хоровъ;
 Склоняю паки слухъ: нѣмая пишина.
 За темный горизонтъ скапился луна.
 Гдѣ Обероновы волшебныя палаты?

Съ кристальными сполпами храмъ?
 Поля воздушныя, волнистой мглой обяшы,
 Являють хаосъ лишь блуждающимъ очамъ.
 Любезны призраки, куда, куда вы дѣлись
 Опъ оживляющей Фанпазіи моей?
 Луна сокрылася, и вы сокрылись съ ней;
 Парамы тонкими мгновенно разлешѣлись.

Не ты ли маѣ фаншомовъ сихъ,

Луна, волшебствъ богиня!

Когда сребромъ лучей своихъ

Освѣщипся небесъ окружность темносиня,
Низведши кропкій взоръ на землю и моря,
Въ лишенья солнца ихъ улыбкой утѣшаешь,
И тысячи существъ изъ зыбкой мглы швора,
Съ воображеніемъ моимъ играешь!

Благодарю тебя, о мой эфирный другъ!

Пишай меня всегда амврозіей мечпаній;

Переноси мой чаще духъ

Въ спрану очарованій,

Въ воздушны перемы гдѣ радости одни,
Куда бы злыхъ заботъ и скуку не впускали.

Спокрашно щастливъ тотъ, чьи дни

Сушь продолжительны, волшебны сладки сны;
Онъ чуждъ снѣдающей печали!

VII.

КЪ БОГИНѢ ДУШИ МОЕЙ

Элегія.

Гдѣ существуешь ты, души моей богиня?

Твой образъ въ сердцѣ у меня;

Вездѣ ищу тебѣ подобныхъ я красавицъ;

Но тщетны поиски мои.

Ищу вездѣ—прошу тебя у всей природы,
 Божественная красота!
 Изъ тишины ночной тебя я изываю;
 Опъ трона ушренной зари;
 Изъ нѣдра свѣплыхъ водъ родившихъ Афродиту,
 Когда ихъ вѣперокъ спруишь;
 Когда вечерній Фебъ поверьхность ихъ цѣлуешь,
 И дальный брегъ въ шуманахъ спишь.—
 Не въ мирныхъ ли лугахъ гуляешь юной Нимфой,
 Или во глубинѣ пещеръ?
 Не въ горныхъ ли спранахъ свѣжбешь Ореадой,
 Превыше грома и суетъ?
 Явись . . . и ошаспливъ мой духъ уединенный
 Любовью ангельской, свяшой;
 Неизчерпаемыхъ, небесныхъ наслажденій
 Снеси мнѣ розовый сосудъ:
 Томлюся и грущу, напишься оныхъ жажду,
 Приди, ушбшь меня, напой—
 Приди, и полными лилейными руками
 Въ объащья сладки заключи,
 И нѣжно, къ моему бѣющему сердцу
 Дѣвическія перси жми—
 Какъ агнецъ на лугахъ опочиваешь злчныхъ,
 Такъ я на лонѣ у тебя;
 Какъ пламя двухъ свѣщей, такъ наши обѣ души
 Сольются радостно въ одну:
 И если опоишь насъ Нектаръ удовольствій;
 Вѣнецъ всѣхъ благъ такая смерть—
 Приди!—я жду тебя съ живѣйшимъ нестерпѣньемъ
 Невѣста сердца моего!
 Хранима для меня ты вышнимъ Провидѣньемъ;

Того надѣюсь я, и жду.
 Узрюль пвой крошкѣй взоръ, услышуль нѣжный голосъ,
 Богиня моя душа!
 Среди красавицъ всѣхъ себя я разпознаю:
 Твой образъ въ сердцѣ у меня.

VIII.

ПАРНАСЪ

или

гора изящности.

Огнекрылашы кони Феба
 Спустились въ западны моря;
 Съ сафиромъ голубаго неба
 Слилася алая заря.
 Проспрясь холодными крылами,
 Уснули вѣшры надъ валами;
 Одинъ въ кустахъ зефиръ не спитъ:
 Кристальна зыбь чуть чуть струится,
 Въ нее лѣсисный берегъ глядится,
 И съ травокъ теплый дождь слезитъ.

*

Я въ размысленіи глубокомъ
 Вступивъ на моря берегъ крушой
 Носился восхищеннымъ окомъ
 По рдяной влагѣ золошой.
 Мой духъ свѣплѣлъ какъ водъ зеркало,

И сердце у меня играло
 Какъ яркая въ спруяхъ заря;
 Очаровапельныя сцены!
 Минушы сладки и безцѣнны!
 Въ восторгѣ духа вскрикнулъ я.

*

Пишомцы музъ, сюда шекише!
 Сюда, изящности сыны!
 И души ваши насладите;
 Вамъ сцены здѣсь посвящены.
 Пусть духъ мечшами обольщенный;
 Пусть сластолюбецъ пресыщенный,
 Безъ чувствъ при видѣ красоты —
 Досугъ божественный! пишаешь
 Въ Пипахъ жаръ, и открываешь
 Всегда имъ нову прелестъ ты!

*

Блаженъ, въ комъ сердце не спарѣтъ
 Ко ощущенью сихъ красотъ;
 Предохранятъ себя умѣтъ
 Отъ скуки и развраща потъ.
 Коль духъ въ изящное вперяетъ;
 Онъ истинную жизнь вкушаетъ,
 И живо чувствуешь себя;
 Онъ презришь злато, пышность, чеспи,
 Не будетъ онъ поэтомъ леспи,
 Прямую красоту любя.

*

Онъ льетъ въ согласны, звонки спруны
 Гармонію души своей.
 Любимъ, гонимъ ли отъ форшунъ,
 Не раболѣпствуетъ онъ ей;

Его природа не оставишь,
 Оспрады сладкія доставишь:
 О благѣ чадѣ, послушныхъ ей,
 Пекущаяся матеръ нѣжна,
 И имъ всегда, во всемъ споспѣшна
 Опъ дѣйствіа до преклонныхъ дней.

*

Природа! днесъ передъ тобою
 И я обѣщъ свящый шворю,
 Что лжебѣспвующей трубою
 Во вѣкъ похвалъ не воспрублю
 Кумирамъ золотымъ, бездушнымъ;
 И что пошусь всегда послушнымъ
 Тебѣ чистѣйшая, пребышь;
 Что добродѣтель, правду вѣчну,
 Умъ, доблестъ, миръ, любовь сердечну
 И дружбу, спану я хвалишь.

*

И ахъ когда бы я спою
 Безпрешковенной могъ пройши
 Спезю начерпанну тобою,
 И могъ опверзшую найши
 Дверь храма швоего свяпаго. . .
 Всего бы, что красно и благо,
 Упился жаждущій мой духъ;
 Я спалъ бы щасливъ и спокоенъ;
 Любви избранныхъ душъ достоинъ;
 Всѣмъ Граціямъ, всѣмъ Музамъ другъ!

*

Я такъ вѣщаль — и опустился
 Въ шѣни деревъ на косогоръ;
 Мой духъ въ забвеніе погрузился,

На влагѣ опочилъ мой взоръ.
 Она еще едва мерцала,
 Въ подобье пусклаго зерцала;
 И мгла синѣлася вдали,
 На горъ хребтѣ уединенномъ;
 Въ безмолвномъ шоржествѣ священномъ
 Дубравы и поля легли.

*

Крылами мягко помавая,
 Зефиръ прохладу въ грудь мнѣ лилъ,
 Съ вѣшвей на вѣшви онъ порхая
 Тихонько листьѣя шевелилъ,
 Цвѣшовъ ночныхъ благоуханья
 Вносилъ мнѣ въ нервы обонянья;
 Мои всѣ чувсхва нѣжилъ онъ.
 А съ нимъ скользнувъ подъ сѣни шѣмны,
 И мнѣ зѣницы смеживъ шомны,
 Объялъ всѣ чувсхва сладкій сонъ.

*

Лишь вдался я ему—чудеснымъ
 Меня восхишилъ онъ крыломъ,
 И перенесъ къ спранамъ безвѣстнымъ:
 Я смутный кинулъ взоръ кругомъ:
 Вездѣ равнины—лишь къ востоку
 Увидѣлъ гору я високу,
 И къ оной множество пущей;
 Изъ нихъ одни вели лугами,
 Другіе блахами, буграми,
 Сквозъ дичь лѣсовъ, сквозъ зной степей.

*

При оныхъ мнѣ пущахъ стоящу,
 Предспала нѣкая жена;

И я ее узрѣлъ держащу
 Обвишый криномъ скипшрь—она
 Въ двуцвѣшну шкань была одѣша,
 На коей нѣжно зелень лѣша
 Спряглась съ небесной синешой:
 Сступаяжъ поступью свободной,
 Соединяла въ благородной
 Осанкѣ важносшь съ простошой.

*

Какъ нивами покрышы холмы
 Волнующся опшъ вѣперковъ,
 Такъ шочно груди млекополны
 Кошорыхъ скрышь не смѣлъ покровъ,
 Дыханьемъ крошкимъ воздымались;
 И рѣки млечны изливались
 Изъ оныхъ, всяку шварь поя—
 По прелесшямъ ея священнымъ
 Блуждалъ я окомъ восхищеннымъ,
 И въ ней узналъ Природу я.

*

Толико благолѣпна взору
 Она явившись моему,
 И скипшромъ указавъ на гору
 Рекла: „спремленью швоему
 Ты видишь цѣль: по симъ долинамъ,
 Сквозь шѣ лѣса, по шѣмъ спремнинамъ
 Доспигнешъ на священный верхъ;
 На верхъ возможнаго блаженства,
 Изящности и совершенства,
 Кошорый лучше шроновъ всѣхъ.“

*

Но возвѣсти мнѣ, о Природа

(Дерзнулъ я обратишь къ ней рѣчь)
 На высоту сего восхода
 Равно ли прудно всѣмъ воспечь?
 Или мнѣ думашь, что приспращье
 Къ инымъ ты кажешь; вѣчно щасье
 И вѣчно имъ успѣхи плешь?
 Что ты, лишь только ихъ раждаешь,
 Любимцами предъизбираешь,
 И всѣ таланты имъ даешь?

*

Ахъ нѣтъ! какъ смертному возможно
 Тебя въ неправости винить!...
 Открой мнѣ, не сужуль я ложно;
 Пошщись сомнѣнье разрѣшить!
 На то богиня опивчала:

„Я всѣмъ живущимъ даровала
 „Органы свойственныя имъ;
 „Органы шѣ благонаправить,
 „Или въ бездѣйствіи оставить,
 „Даю на волю имъ самимъ.

*

„Духъ смертныхъ пашнѣ есть подобенъ;
 „Онъ можетъ все произрастить,
 „Лишь толькобъ пахарь былъ способенъ
 „Его воздѣлать, угобзить.
 „Предметовъ разныхъ впечатлѣнье
 „И разныхъ случаевъ спеченье
 „При воспитаньи первыхъ лѣтъ,
 „Нерѣдко душу тлѣтъ, спѣсняетъ,
 „Иль въ ней таланты развиваетъ,
 „И направление ей даетъ.

„Но человекъ не будетъ прямо
 „Во храмъ изящности введенъ,
 „Хотябъ достигъ къ преддверью храма
 „Щасливимъ направленьемъ онъ.
 „Дальнѣйшее онъ воспитанье
 „И вящее образованье
 „Дать долженъ сердцу и уму;
 „Науку важную постигнувъ,
 „Безъ коей никогда достигнувъ
 „Нельзя въ святилище ему

*

„Безъ коей всѣ побою зримы
 „Ведущи на Парнассъ пущи,
 „Опасны, прудно восходимы:
 „Лишь можешь поплъ одинъ иппи
 „Спезей усыпанной цвѣтами,
 „Между пріятными кустами,
 „Въ прохладѣ шихихъ, свѣплыхъ рѣкъ,
 „Кпо шу науку постигаешь:
 „Она всѣ знанья замѣняешь,
 „Ея предметъ есть *теловѣкъ*!

*

Онъ самъ, и дѣлъ мірскихъ тетенъ,
 „Которы, всѣ до одного,
 „Притину и произхождение
 „Имѣютъ въ сердцѣ у него—
 „Вперяйже очи изощренны
 „Въ изгибы сердца сокровенны,
 „Терпѣніемъ вооружась;
 „И въ естество вещей вникая,
 „Сличая ихъ и различая,
 „Взаимну сыскивай въ нихъ связь.

„Когда получишь разумѣнье
 „Во глубинѣ сердце чипашь,
 „Ихъ струны приводишь въ движеніе,
 „Во всѣ ихъ стигбы проницаешь:
 „Тогда твоей мощный духъ обниметъ
 „Всѣ въ мірѣ вещи—умъ твой приметъ
 „Устройство лучшее и свѣтъ.
 „Чѣмъ больше мысль твоя ширится,
 „Тѣмъ правильнѣе становится,
 „И тѣмъ яснѣе насмаетъ.

*

„И такъ, имѣешь ли стремленіе
 „На верхъ изящности взойти:
 „На нужное сіе ученіе
 „Себя во первыхъ посвяти!
 „Тогда представится дорога
 „;Неутомительна, ошлога,
 „Въ цвѣтахъ и злакѣхъ предъ тобой;
 „Тогда ты вступишь въ храмъ священный,
 „И Слава возвѣснитъ вселенной
 „Поэта звукою трубой!,,

*

Рекла, и съ крошостью возрѣла. . . .
 Хочу, примолвила она,
 Чтوبъ райскаго того предѣла
 Была вся прелесть явлена
 Твоимъ, о смертный, взорамъ бrenнымъ:
 Я палъ—и съ духомъ восхищеннымъ
 Благодарить ее хотѣлъ;
 Но божество внезапно скрылось,
 Все вокругъ меня преобразилось,
 И я Парнасса верхъ узрѣлъ!

Тамъ лавровъ, пальмъ и миртъ зеленыхъ
 Кусты благоуханье лющъ;
 Въ брегахъ цвѣшущихъ, осяенныхъ
 Ручьи криспальные текутъ.
 Тамъ вѣчно ясенъ сводъ небесной.
 Въ лугахъ и въ густотѣ древесной
 Поэтовъ сонмы я встрѣчалъ;
 Сопворшій Илиаду геній
 Надъ вѣчнымъ олшаремъ куреній
 Во славѣ тамо предсѣдалъ.

*

Клошшпокъ, Мильшонъ, въ коронѣ звѣздной
 Сіяли по сшранамъ его.
 Тамъ Геснеръ, Виландъ, Клейстъ любезной,
 Поэты сердца моего.
 Тамъ Лафоншенъ пишомецъ грацій,
 Анакреонъ, Насонъ, Горацій,
 Виргилій, Тассъ, Вольтеръ, Расинъ.
 О радость! зрѣлись и изъ Россовъ,
 Великій тамо Ломоносовъ,
 Державинъ, Дмишревъ, Карамзинъ. 5)

*

Въ пріятной дебри межъ холмами
 Ошверзтый ошовсюду храмъ,
 Огромно подпертый столпами;
 Моимъ представился очамъ.
 Во ономъ пронъ младаго Феба
 И Музь прекрасныхъ дщерей неба,
 Во ономъ славные шворцы,
 Друзья людей, друзья природы,
 Кошорыхъ память чшяшъ народы,
 Кошоры были мудрецы

Прямые мудрецы—на дѣлѣ,
 Не только на словахъ однихъ,
 Въ эфирномъ мнѣ являлись шѣлѣ.
 Въ бесѣдахъ радостныхъ, священныхъ,
 Красно, премудро совѣщали,
 И взоръ любви обращали
 На просвѣщенный ими міръ.
 Блаженствомъ ихъ вѣнчались чела,
 Божественность въ очахъ горѣла,
 Ихъ голосъ, звонъ небесныхъ лиръ.

*

Средь дивнаго сего чертога
 Въ соборѣ дѣвственныхъ сесперъ
 Изящности я видѣлъ бога:
 На арфу персты онъ просперъ.
 Изъ струнъ звукъ сребренъ извлека
 И съ онымъ гласъ свой сопряга
 Воспѣлъ безсмертноюный богъ.
 Я взоръ не могъ насыпить зрѣньемъ
 Его красотъ—ни ухо пѣньемъ
 Насыпить сладкимъ я не могъ.

*

Власы его заповолнисы
 Лились по спашнымъ раменамъ,
 И благогласный пеноръ чистый
 Звѣнящимъ жизнь давалъ струнамъ:
 Онъ пѣлъ—и все вокругъ молчало,
 И все вокругъ вниманьемъ спало;
 Изъ алыхъ устъ его текла
 Премудрость, истина и сладость,
 И неизмѣнна чувствій младость
 Въ рѣчахъ его видна была.

То вопль Сизифовъ безоправднѣй,
 То зовъ Сирень, то Зевсовъ громъ,
 Ловилъ въ той пѣсни слухъ мой жадный.
 Воскликнушь, пасъ предъ Божествомъ
 Гошовъ я былъ во изскупленіи,
 И вздрогнуль—сильное движеніе
 Меня опшоргло вдругъ опъ сна
 На ушренной правѣ росиспой—
 Топѣли пшички голосисшы
 Возшедшему свѣшпиу дня.

IX

ОДА ДОСТОЙНЫМЪ.

Въ 1801 мѣ году.

Дщерь Всевышняго, чистая Истина!
 Ты, копорая спрасъю не связана,
 Будь днесъ музой поэшу нельспивому
 И Достойнымъ хвалу воспой!

Вы же, чада богашсва и знашности!
 Есльи вмѣсто достоинствъ и разума
 Слабость, глупость и низкія чувствія
 Въ васъ—по свой опшратите слухъ:

Къ лаврамъ чистымъ и вѣчно не вянущимъ
 Я гошова чело горделивое,

Только Истину чпу поклоненіемъ,
А предъ вами ль мнѣ падашь ницъ?

Нѣтъ—кто видѣвъ какъ спраждаетъ отечесство,
Жаркой въ сердцѣ не чувствовалъ ревности
И въ виновномъ оспался бездѣйствіи,
Тотъ не споишь моихъ похвалъ.

Но кто жертвуетъ жизнью, имѣніемъ,
Чтобъ избавить согражданъ отъ бѣдствія,
И доставишь имъ участь щастливую:
Пой Святая, шому свой гимнъ!

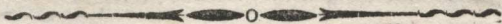
Еслили мужество, благоразуміе,
Твердость духа и честныя правила
Совмѣстилися въ немъ съ милосердіемъ:
Онъ воистину есть Герой!

О, коль тѣ въ немъ находятся качества;
Онъ составишь народное щастіе;
Позднихъ правнуковъ благословеніе
Будетъ въ вѣчность за нимъ ищи!

Многихъ мнимыхъ героев мы видѣли;
Многихъ общаго блага ревнителей;
Все ли свято храняшь обѣщаніе,
Бышь опцами, законъ блюсти?

Но кто къ славѣ безсмертной чувствительнъ;
Тотъ попицися, о Граждане, выполнишь
Долгъ священный законовъ блюстителя:
И приметъ хвалу вѣковъ.

И шакому-то муза божественна;
 О, шакому лишь слово хваленія,
 Въ важномъ понѣ, изъ усненъ рубиновыхъ,
 Чиспымъ рцы языкѡмъ злапымъ!

X

ОСЕНЬ

Ода къ Теону.

въ 1801 мѣ году.

Гонимы сильнымъ вѣпромъ, мчапся
 Опъ моря грозны облака;
 И башни Пешпрограда пимяпся,
 И поднялась рѣка.

А я въ спокойной лежа сѣни,
 Забвеньемъ сладостнымъ объапъ,
 Вихрь свищушь слышу, дождь осенній,
 Біющій въ окна градъ.

О какъ вліяніе погоды
 Надъ нами дѣйспвуешъ, мой другъ!
 Когда шуманенъ ликъ природы,
 Мой унываешъ духъ.

Но буря паки отвлекаешъ
 Меня шеперь опъ грустныхъ думъ;
 Къ великимъ сценамъ возбуждаешъ,
 Свой усугубивъ шумъ!

Не зрюль въ восторгъ:., *Зеевъ дождливый 6)*
 Во влагу небо препворя,
 Съ власовъ и мышцъ водопочивыхъ
 Шумящи льешъ моря.

Межъ пѣмъ къ Олимпу руки вздѣла
 Опъ наводняемыхъ холмовъ.
 Сполповѣнчанная Цибела,
 Почтенна машь боговъ.

Въ глубокомъ сокрушенъи зришся,
 Въ слезахъ и въ шрепешѣ она;
 Ея священна колесница
 Въ водахъ погружена:

Впряженны въ ону лвы репивы
 Сшуденый терпяшъ дождь и градъ;
 Глаза ихъ блещущъ, взторглись гривы,
 Хвосты въ бока разяшъ.

Но дождь шумитъ и вѣспры дуюшъ
 Изъ сильнодышущихъ усненъ;
 Спихии борются, буншуютъ,
 О ужась! — — О *Дойенъ!* ;,

Изящнаго жрецы священны,
 Художникъ, музыканшъ, поэтъ!

О, будьте мной благословенны;
 Въ васъ духъ боговъ живешъ!

Спокрапно въ жизни сей печальной
 Благодарить мы васъ должны;
 Вы міръ физической, моральной,
 Перерождапъ сильны—

Мой другъ! да будешъ и предъ нами
 Разкрыта книга еспешва;
 Прочтемъ душевными очами
 Въ ней мысли Божешва.

Прочтемъ, и будемъ исполняпся
 Свяшымъ ученемъ книги шой,
 Дабы не могъ поколебашся
 Нашъ духъ напасшю злой.

Какъ бурныхъ волнъ ударъ пріемлешъ
 Незы гранишный, швердый брегъ,
 (Ихъ шумъ смященный слухъ мой внемлешъ,
 Обращный зрю ихъ бѣгъ.)

Такъ праведникъ, гонимый рокомъ,
 Въ шерпѣнне облаченъ споишъ:
 Средь бурь, въ волненіи жестокомъ,
 Онъ швердъ какъ сей гранишъ.

Смотри Теонъ, какъ все горюешъ!
 Все чувшвуешъ зимы приходъ;
 Зефиръ цвѣшковъ ужъ не цѣлуешъ,
 И вихрь сшибъ съ древа плодъ.

Смогри, какъ вѣпви обнажены
 Гнешь вѣшеръ на древахъ, Теонъ!
 Не слышишься во пѣ спѣсенный
 Тамадриадинъ спонъ?—

Лишь кровля врановъ, зеленѣешь
 Уединенна сосна шамъ;
 Все блекнешь, рушишься, мерпвѣешь;
 Гошовымъ пасшь снѣгамъ.

О, сѣшуйше лѣса, спонайше,
 Морозами дохнешь зима!
 Изъ успьевъ рѣки ушекайше,
 Васъ льдомъ скуешь она!— —

Но пронъ ея распаешь снова,
 Какъ придетъ милая весна;
 Совлекшись снѣжнаго покрова,
 Воспрянешь всё опъ сна.

И обновився видъ природы,
 И въ рощахъ пшички запоютъ;
 Въ берегахъ веселыхъ Невски воды
 Сверкая попекутъ.

Тогда съ побой, Теонъ любезный,
 Пойдемъ мы на поле гулять!
 Ославимъ скучный городъ, шѣсный,
 Чшобъ свѣжесью дышашъ.

Тогда примите, о Дриады,
 Подъ шѣнь древесъ Поэшовъ вы;
 Воспѣшь весну среди прохлады
 На берегахъ Невы!

ВИДѢНІЕ ВЪ МАЙСКУЮ НОЧЬ.

Ода къ Флору.

СаФитескимъ размѣромъ 7)

<u>v</u> — <u>v</u> —, <u>vv</u> — <u>v</u> — <u>v</u>	}
<u>v</u> — <u>v</u> —, <u>vv</u> — <u>v</u> — <u>v</u>	
<u>v</u> — <u>v</u> —, <u>vv</u> — <u>v</u> — <u>v</u>	
<u>vv</u> — <u>v</u>	

Майска пиха ночь разливала сумракъ,
 Голосъ пшницъ умолкъ, вѣсперокъ прохладный
 Вѣялъ—злапомъ звѣздъ испещрялось небо,
 Рощи дремали.

Я одинъ бродилъ, погруженный въ мысли
 О друзьяхъ моихъ; вспоминалъ пріяшность
 Всѣхъ щасливыхъ дней проведенныхъ съ ними,
 Видѣлъ ихъ образъ.

Гдѣ ты мой Клеантъ (я вздыхая думалъ);
 Чшюбъ сомной теперъ раздѣляшь воспорги?
 Гдѣ вы всѣ?—гдѣ Флоръ? гдѣ Аристъ? Филонъ мой
 Гдѣ незабвенный?...

Ушромъ цвѣлъ!... О Флоръ! не давноли плачемъ
 По Филонъ мы? ужъ весна двукрашно

Оживляла знакъ надъ его могилой,
Пшички любились.

Я вздыхалъ, и взоръ устремивъ слезящій
На кусты, на дернъ, вопрошалъ Природу,
Другъ у насъ за чѣмъ съ превосходнымъ сердцемъ
Опнѣялъ такъ рано?

Мнѣ была въ отвѣтъ—пищина священна!
Далѣ вшолъ я въ лѣсъ, оперся на древо;
Лисій сладкій шумъ вовлекалъ усшалы
Чувства въ забвенье.

Вдругъ изъ мрака бѣлъ мнѣ явился призракъ,
Весь въ шуманѣ: онъ приближался тихо,
Не былъ спрашенъ мнѣ; я узналъ въ немъ милый
Образъ Филона:

Благовиденъ, младъ, онъ взиралъ какъ ангель;
Русы по плечамъ упали кудри,
Нѣжность на устахъ, на челѣ спокойство
Изображались.

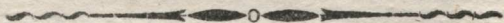
Онъ усша опверзъ—какъ съ журчащимъ шокомъ
Шепчетъ въ дебряхъ гудъ, или арфу Барда
Тронетъ вѣтеръ—шакъ мнѣ вліялся въ ухо
Голосъ эеирный.

Онъ гласилъ: „мой другъ! веселись, не сѣпуй,
Я живу: излей и во Флора радость
О судьбѣ моей, а свою съ шерпѣньемъ
Участь сносише.

Все возможно! зришь ли міры блестящи
 Тамо; землю здѣсь?—что она предъ ними,
 То и жизнь пвоя предъ другими жизнью
 Въ вѣчной природѣ:

Ободрись же ты и надѣйся съ Флоромъ
 Лучшихъ жизнью *тамъ*; но не скорбью щещиной,
 Благородспвомъ чувспвъ, и любовью къ благу
 Чпи мою памяшь!—

Онъ изчезъ—Филонъ! мой любезной, гдѣ ты?
 Руки я къ нему проспираль въ шуманѣ,
 Сердце билось—ахъ! но повсюду были
 Мракъ и безмолвье.

XII.

КЪ БОРЕЮ.

Въ 1й день Маія 1802 года.

Гораціанскииъ размѣромъ 8).

{	<i>v—v—v,—vv—vv</i>	}
	<i>v—v—v,—vv—vv</i>	
	<i>v—v—v—v—v</i>	
	<i>—vv—vv—v—</i>	

Борей! доколѣ будешь свирѣпспвовать?
 Дождь хладный съ градомъ сыпашъ неустально,

И даже снѣгъ!—зима престала;
Злой испребитель! не шронь весну.

Нева давно ужъ урну опшаяла
Ошъ льдинъ: лелѣенъ флошы въ объятіяхъ,
И я давно олпарь Вулкана
Чпишь переспаль всесоженъемъ дровъ.

Уже въ ээирѣ свѣтлолазоровомъ
Поюща радость пишиць раздавалася;
Лучами солнца распворенный
Воздухъ амврозіей насъ пишалъ:

Въ прохладѣ спруекъ шонкихъ, невидимыхъ,
Купаль онъ нѣжно пляшущихъ дѣвушекъ;
И на берегахъ озелененныхъ
Слышимо было мычанье спадъ.

Все развивалось, полнилось жизнию,
Сошли съ Олимпа смѣхи и Граціи,
Предпеча сладоспной Венеры
Рѣзвый Амуръ напрягалъ свой лукъ!

Но ты напалъ ошъ сѣвера съ бурями,
И дунуль хладомъ—вдругъ помершвѣло всё,
Младья почки древъ поникли,
Въ гнѣзда попряшались пшашки всѣ.

Весенни игры гонишь ты взмахомъ крыль;
Тиранъ! швой власы снѣгоносиме
Надъ Пепропóлемъ разлешѣлись,
Свѣшлаго Феба закрывши ликъ.

Но се — — спрашиса! — онъ ужъ готовился
 Карать тебѣ за дерзость—лучи его
 Прекрасный западъ осіяли,
 Ты же, спыдомъ покровень, бѣжишь!

XIII.

ВОСТОРГЪ ЖЕЛАНІЙ.

Въ 1802 году.

Предметы сердца моего,
 Спокойствіе, досугъ безцѣнный!
 Когда-то обьему я васъ?
 Когда дадушь мнѣ люди время
 Душѣ моей сказаться дома
 И отдохнушь опъ всѣхъ заботъ?

Когда опять я не съ чужими
 Найду себя—злашую лиру
 Въичанну розами наспрою,
 И воспою природу, Бога,
 И миръ и дружбу и любовь?

Ахъ, долго я служилъ щещѣ;
 Пусшымъ обязанностямъ въ жертву
 Младые годы приносилъ!

Нѣтъ, нѣтъ!—теперь ужъ иго свергну.
 Надмѣру долго угнѣшало
 Оно мой духъ, который алчешъ
 Свободы!—о, восстану я!
 Направлю бѣгъ мой къ истой цѣли,
 И презрю низкихъ пварей цѣль.

Такъ; презрю всё!—но кто меня
 Обуздываетъ?—кто дерзаетъ
 Воспоргу опсѣкать крылѣ? . . .
 Не пыль, судьба неумолима!
 Не пы ли? . . . Ахъ, и такъ мнѣ снова
 Тщеты несносной быть рабомъ! !

Спокойствіе, досугъ безцѣнный!
 Когда-то обьему я васъ?
 Когда дадутъ мнѣ люди время
 Душѣ моей сказаться дома,
 И отдохнуть отъ всѣхъ заботъ?

XIV.

КЪ СОЛНЦУ.

1802. Авг. 25. го во время болѣзни.

Свѣшило жизни, здравствуй!

Я ждалъ тебя:

Пролей мнѣ въ сердце помяно

Оспрады лучь!

Весь день холодны вѣспры

Во мракѣ пучь

Тебя ошъ насъ скрывали

И лили дождь—

Уныла осень алчешъ

Еще вкусишъ

Твое благое пламя,

Душа планешъ!

Вѣнчанный класомъ Августъ,

Серпомъ блестя,

Просперъ манящи длани

Свои къ тебѣ.

Онъ вопіешъ: помедли,

Разсѣй шуманъ,

Обрадуй зрѣлосъ года

Еще собой!—

И я, свѣпило жизни,

Прошу тебя:

Помедли въ шеплошворномъ

Сіяніи!

Болю душой и тѣломъ,

Цѣлишель будь;

Согрѣй лучемъ оспрады

Скорбящу грудь.

XV.

КЪ ДРУГУ.

Въ Сентябрѣ 1802 года.

Осенняя ночь одѣла мглою

Петрополь—шумъ дневной утихъ;

Все спишь—лишь мнѣ болѣзнь не хочешь дать покою,

И гонишь сонъ опъ глазъ моихъ!

Не написать ли на досугѣ

Къ тебѣ письмо, любезный мой!

Что можешь слаще быть, какъ помышлять о другѣ

Который хоть вдали, но близокъ къ намъ душой!..

Сія приятна мысль теперь меня объемлетъ;

Держу перо въ рукѣ, а самъ я внѣ себя;

Въ воспоргѣ кажется твой голосъ ухо внимлетъ,

И видишь взоръ тебя.

Въ забвеніи ловлю сей голосъ жаднымъ ухомъ,

И призракомъ твоимъ свой томный шѣшу взоръ.

Не занесенъ ли ты изъ за Валдайскихъ горъ

Комнѣ какимъ нибудь благимъ волшебнымъ духомъ

Который помогаешь любви и дружбѣ скоръ!

Или твоя душа, оставивъ члены тѣла

Успалые въ Москвѣ, въ объятіяхъ крѣпка сна,

Теперь, когда вездѣ вишаетъ тишина,

Бесѣдовать сомной въ Петрополь прилетѣла,

Въ сіи, обоимъ намъ любезныя мѣста—

Пребуди же долбе, о званный гость, сомною!

Здѣсь долбе пребуди, дражайшая мечта!

Я сердце все тебѣ стѣсненное опкрою

И облегчу его—въ немъ шаже чистота,

Оно тебя еще достойно,

Но что-то ужъ не такъ теперь оно спокойно:

Когдабъ природы красота

Несыпыхъ чувствъ моихъ подчасъ не занимала,

Не знаю, что бъ сомною спало!...

- - - - -
- - - - -
- - - - - „Любишь?...

А ежели посю пору предмета

Еще я не нашель себѣ, то какъ мнѣ быть?

„Ищи.,—но гдѣ? ужель въ шуму большого свѣта,

Гдѣ всякъ припворство чинишь за долгъ,

Гдѣ всѣмъ поступкамъ ложный толкъ,

Гдѣ любящее сердце спонетъ

Зря всюду ледъ, и ахъ! само въ ничтожество понетъ?—

Нѣтъ; лучше посижу я здѣсь, и пошерплю;

Авосьлибо судьба, сія всемошна фея,

Подчасъ и обомнѣ жалѣя,

Вдругъ подарилъ мнѣ ту, которую люблю;

Которую богопворю въ воображеньи—

Ахъ, часто въ райскомъ сновидѣньи

Ее передъ собой споящую я зрѣлъ,

Въ ея спыдливыя обьяпія лепѣлъ—

И какъ соловьюшекъ весной для милой пѣлъ

Свянную пѣснь любви, въ сладчайшемъ восхищеньи!

Мечтаю; но оставъ меня, мой другъ, мечташъ:

Кто въ сумеркахъ блаженъ, пошъ бѣлу дню не радъ.

ТЕЛЕМА и МАКАРЪ,

или

Желаніе и Блаженство.

Вольтерова сказка.

Телема живостью и красотою блистаетъ,
 Неперпѣлива лишь она;
 Собою никогда довольна не бываетъ,
 Всегда какой нибудь мечтой ослѣплена.

Телемъ юноша понравился прекрасный,
 Но только нравъ имѣлъ онъ съ нею несогласный;
 Всегда въ чертахъ его лица
 Веселость чистая яснилась,
 Влекущая сердца;
 Въ очахъ его любовь сама свой пронъ имѣетъ,
 Который тихою улыбкой озарѣнъ.
 За то уже печаль при немъ и быть не смѣетъ,
 И даже опъ забавъ онъ шумныхъ удалѣнъ.

Ахъ какъ его спокоенъ сонъ!

Ахъ какъ пріятно пробужденіе!

Всечасно новое вкушаетъ услажденіе:
 Зовется же *Макаромъ* онъ.

Нескромная его невѣста,
 Когда-то, очень неумѣста

Паспущку страстную задумала играть.

Заахла некташи и замлѣла,

Бышь обожаемой хотѣла,

И ну въ холодноши Макара упрекать!

А шѣмъ ему—нагнала скуку:

Онъ смѣючись ее оставилъ и ушелъ

Невѣдомо куда—но черезъ по навелъ

Бѣдняжкѣ воспокрашъ несноснѣйшую муку:

Она безъ памяти пустилась въ слѣдъ за нимъ

По всѣмъ краямъ земнымъ,

Не въ состояніи переносить разлуку

Съ непостояннымъ симъ.

Вопервыхъ ко двору Телема прискакала
И спала спрашивашъ у царедворцевъ всѣхъ:

Могули здѣсь найши Макара?

Телему бѣдную всѣ подняли на смѣхъ,

Когда услышали шоль спрванное названье:

„Макаръ!—какой Макаръ?—да что онъ за со-
зданье?

Гдѣ заперяла ны его?

Ха, ха, желалось бы намъ слышать описанье

Про молодца сего. „

Она насмѣшникамъ со вздохомъ оповѣчаетъ:

Макаръ естъ образецъ, примѣръ для всѣхъ людей.

Онъ всякихъ вредныхъ чуждъ пороковъ и спрасшей;

Всегда онъ здраво разсуждаетъ,

Во всемъ себя умно ведетъ,

Опъ всѣхъ любовь пріобрѣщаетъ,

И вѣчно безъ заботъ живетъ.

На это не съ другога слова
 Сказали ей въ опвѣтъ:
 Толубушка, у насъ здѣсь нѣтъ
 Макара швоего драгова;
 Во вѣки чудака шакова
 Не видывалъ придворной свѣтъ.

Телема въ горести скорѣйшими шагами
 Опшуда къ городу пошла,
 И на дорогѣ монашырѣ нашла:
 — „Авосьлибо за эшими спѣнами
 Запряпался любовникъ мой;
 Здѣсь, сказывающъ, всѣ простились со спрасями,
 И шакъ здѣсь долженъ жишъ моей души покой!,,—
 Подумавъ шакъ, она съ надеждою всшупила
 Въ обишель шихую зашворниковъ свяшыхъ,
 И о Макарь вопросила:
 „Съ которыхъ поръ уже (въ опвѣтъ Игумень ихъ),
 Къ себѣ Макара мы въ обишель ожидаемъ?
 Но ахъ! грѣховными увидѣшъ очесы
 Еще поднесъ не возмогаемъ
 Его божешвенной красы!
 А въ ожиданьи плоть свою мы изнуряемъ,
 Бранимся, молимся, зѣваемъ,
 И шрашимъ попусшу часы.
 Тущъ спранспвующей сей красопкѣ
 Сказалъ, перебирая чопки,
 Смиреннымъ голосомъ одинъ сухой чернецъ:
 Сударыня, прешанъ ты по свѣшу скишашся!
 Теперь тебѣ его, повѣрь, не доискашся;

Я слышалъ, будтобы скончался пшвой бѣглець.

Телема гнѣвомъ воспылала

Опѣ дерзкой рѣчи той—

Честной ошець! она вскричала,

Ты ошибаешься; въ живыхъ любовникъ мой:

Онъ для меня рожденъ на свѣтъ—во мнѣ одной

Спишию лишь ему найши для жизни можно;

Я въ томъ увѣрена неложно,

А кшо вамъ иначе наполоковалъ,

Безспыдно шомъ солгалъ,

—,Конечно онъ у философовъ,

У умниковъ и оспрослововъ,

Кошоры въ книгахъ шакъ превознесли его

И часто шакъ о немъ швердили;

Они конечно заманили

Къ себѣ Макара моего,—

Но тѣ, на сдѣланный вопросъ, ей опшвѣчали:

„Макаръ намъ, право, незнакомъ;

И мы его своимъ перомъ

По слуху шолько описали,

Въ лицо же никогда его мы не видали.,,

И пригорюнившись она опѣ нихъ пошла—

Къ Оемидиной палатѣ

Полубопышпсшвовашъ Телема подошла,

Но въ двери—и назадъ, сказавъ: ужъ вомъ не ксшашш

Ему бы здѣсь часы драгіе провождашъ!

Во вѣкъ не будешъ въ Магистрашъ

Макаръ мой милый засѣдашъ!

Искала нѣжная Телема
 Невѣрнаго сего и шамъ,
 Талія гдѣ и Мельпомена
 Имѣють свой изящный храмъ.

Но нѣтъ; при зрѣлищахъ любезнаго Макара.
 Телема не нашла олимпюды.

Она его не разъ и въ обществахъ искала,
 Которы лучшими сльвуть.

Казалось на него шамъ много-кто походитъ
 На первой взглядъ;

Но проникашелу Телему не приводитъ
 Въ обманъ блестящая наружность и нарядъ:
 Хотя поступки ихъ и рѣчи изъясляютъ
 Что имъ хотѣлось бы принять Макаровъ видъ,
 Но всѣ они ему напрасно подражаютъ,
 Никто себя съ нимъ не сравнитъ.

Поѣздка тщетная Телему упомила;
 Съ горюющей душой

Тихонько бѣдная оправилаcь домой.

Но въѣхавши на дворъ, лишь въ горенку вступила
 Ей первый на глаза попалъ

Кто, отгадайше ... шопъ, по комъ она грустила!
 Ахъ, самый шопъ!—онъ сѣвъ на одръ къ ней, под-
 жидаль,

Чтобъ чрезъ внезапное явленье

Пріятно привести Телему въ удивленье.

Живи (обнявъ ее съ любовью онъ сказалъ),

Опнынѣ, милая, живи сомной спокойно!

И ешлы хочешь ты достойно

Всегда особою моею обладать,
 То за мечпою не гоняйся,
 И упрюждашь меня о шомъ осперегайся,
 Чего я самъ шебѣ не власнень дашь.

*

Теперь иной меня чипапель вопрошаетъ:
 А что бы значиль смыслъ обоихъ сихъ именъ?
 Кпо Греческому обучень
 Тотъ знаешь:
 Къ нему-то обратишь чипапель дорогой;
 Тебѣ онъ скажетъ кпо *Макарѣ* съ *Телемой*,
 И исполкуешь онъ шебѣ подъ сей эмблемой
 Къ чему мы созданы судьбой—
 Макаръ! шебя, шебя мы всѣ имѣшь желаемъ,
 Тебя мы ищемъ всѣ, находимъ и шеряемъ.
 Ты, кажешься, теперь находишься сомной;
 Но не хочу хвалиться:
 Кпо прубишь о шебѣ нескромной похвальбой,
 Не можешь съ шѣмъ ужишься!
 Вотъ съ кѣмъ ты любишь пребывать:
 Кпо пребываніе твое прилѣжно щипишь
 Опъ зависти скрывать.

XVII

ПОХВАЛА БАСНОСЛОВІЮ.

Подражаніе Вольтеру.

Щасливыхъ вымысловъ краса всегда младая,
 Которая не увядая,
 Являетъ памятникъ изящнаго ума!
 Лучами своего безсмертнаго сіянья
 О Древность, озари меня!
 Ты силою очарованья
 Умѣешь все одушевлять
 И все цвѣтами украшать.

Не безпорочная ли дѣва есть священный
 Сей лавръ изъ коего вѣнцы намъ слава вѣшетъ!
 А здѣсь яншарны слезы льетъ
 Въ кору соснову жрецъ Кибелинъ заключенный!
 Сей ранній Гіацинтъ, исполненный красотъ,
 Есть милой опрокъ пошъ,
 Любовью Фебовой прославленный красавецъ.
 На розахъ Флориныхъ блестящій сей румянецъ
 Зефиръ напечатлѣлъ,
 И отъ Помониныхъ лобзаній плодъ созрѣлъ.
 Лѣса и нѣдро водъ, и горы и долины,
Метаморфозами обильны:
 Я звѣроловца познаю
 Младаго въ легкомъ семь оленѣ Акпеона;
 Склоняю слухъ мой къ соловью:

Рожденная опъ Пандіона,

Мнѣ Филомела часпъ плачевную свою

Вѣщаепъ въ преляхъ сихъ и въ переливахъ пона.

Спустилось солнце въ понпъ: съ Ѳепидой опочишь.

Венерыль свѣшная покажется планета,

Въ объятіяхъ ея прекрасный Адонидъ.

А памъ надъ полюсомъ съ Персеемъ Андромеда;

Средь вѣчныхъ зимъ огонь любовный ихъ горишь.

Ирои влюбленны все небо населяють.

Какое зрѣлище они мнѣ представляють,

Какой волшебной видъ!

Сколь теологія мила мнѣ Гезіода!

Началомъ всѣхъ вещей онъ полагалъ Эроша;

По мнѣнію его, любовь всему оицеъ,

Всему источникъ и шворецъ;

Сквозь огонь и воздухъ пролетаетъ,

Несетъ по водамъ,

И хаосъ веществва всеильно разпочаетъ...

Но съ поснымъ видомъ скажешь намъ

Несносный Пустосвящъ:, вычнеше спудъ и срамъ;

Сихъ книгъ діавольскихъ зѣло опасно чтенъе!

Дивлюся како ихъ совсѣмъ не изпребашъ,

И како не наложашъ запрещенъе

На всѣхъ чишающихъ: онѣ-шо къ намъ разврашъ

Онѣ язычесво и богохульсво вводяшъ,...

Не опъ невѣжесшваль и злоспи производяшъ

Такія рѣчи, Пустосвящъ!

Ты умшвенныхъ забавъ опнюдь не ощущаешъ

Въ душѣ спѣснѣнной и пустой,

И сладкой намъ мечшой пишашъся запрещаешъ,

Желая насъ сравнить съ собой—

Но не бываешь тому, хлопчешь ты напрасно:

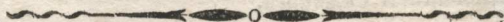
Тебѣ ли по зашмилъ что искони прекрасно?

Сопрешь ли генія безсмертнаго печать?

Любишь Омира будемъ спрашно,

И Музамъ Эллинскимъ внимаешь,

А ошь швоихъ рѣчей дремаешь.

XVIII

ИБРАИМЪ

(съ *Ифмецкаго*)

Когда Фернандъ благочестивый 9)

Еще въ неисповствѣ свяшомъ,

Не гналь родъ Мавровъ нечестивый,

Тогда Гусмановымъ копьемъ

Омаръ молодой поверженъ вишязь.

Въ спранѣ враговъ спрашась опмщенья

(Убишый знашенъ былъ, богатъ),

Бѣжалъ Гусманъ, и въ упомяненн

Передъ собой увидѣлъ садъ,

Высокимъ пыномъ огражденный.

Когда черезъ сію ограду
 Съ шрудомъ Гишпанецъ перелѣзъ,
 Узрѣлъ хозяина онъ саду,
 Который тамъ въ шѣни древесъ
 Вечернюю вкушалъ прохладу.

Онъ о покровѣ умоляетъ
 Весь въ потѣ—Эмиръ Ибраимъ
 Его приѣмлетъ и сажаетъ,
 И спѣлы овощи предъ нимъ
 Со взоромъ дружелюбнымъ спавитъ:

Ты гость мой—спарецъ рекъ почтенный—
 И будешь у меня укрытъ;
 Спраннопріимства долгъ священный
 Тебѣ защишу да въ величѣ—
 И гостя лаской ободрятъ.

Но вдругъ на время въ домъ свой вызванъ
 Великодушный спарецъ былъ;
 И шакъ, чѣмъ не былъ кѣмъ онъ признанъ,
 Спарикъ поспѣшно заключилъ
 Его въ садовую бесѣдку.

Въ мучительнѣйшемъ ожиданьи
 Гусманъ въ ней при часа сидѣлъ,
 Пока при лунномъ онъ сіяньи
 Опять идущаго узрѣлъ
 Хозяина, который плакалъ:

„Жестокій, рекъ онъ въ сокрушеньи,
 Убилъ ты сына моего!
 Увы, хоша и сладко мщенье;

Но слаще воспократъ шого,
Бышь вѣрну въ данномъ мною словѣ!

Передъ садовыми вратами
Стоишь мой лучший конь готовъ—
Бѣги, ты окруженъ врагами,
Въ Толедо, градъ твоихъ опцовъ!
Да будешь Богъ тебѣ защитникъ!.,—

О, зри Героя въ немъ чисташель,
Благосворящаго врагамъ;
Хотябъ кумировъ почишашель,
Молился ложнымъ онъ богамъ,
Но онъ есть другъ Творца вселенной.

XIX.

БЛАГОДѢЯНІЕ.

Изъ Геллерта.

Похвально помогашъ убогимъ,
Для нихъ единственно сокровища копишь;
И не безбожноль то, что надѣлённый многимъ,
Ни крошки ближнему не хочешь удѣлить!

Ханжихина не такъ; сей набожной вдовѣ
 Вдругъ пропасть золота доспалася въ наслѣдство:
 „Теперь-то дароваль Господь своей рабѣ
 „Возможность облегчать нуждающихся бѣдство.,,
 Такъ говоритъ она—и къ щасью, богъ послалъ
 Ей случай въ потъ же мигъ явишь благодѣянье:

Передъ ея окномъ предсталъ
 Убогой старичокъ... онъ проситъ подавня,
 А самъ въ лохмотьяхъ весь, и сгорбленъ на клюку.
 Ахъ господи христе, какое состоянье!
 Ну какъ же не помочь такому бѣдняку!
 На то вѣшь и дано богатство ей отъ неба.
 Чувствительна вдова о нищемъ слезы льетъ,
 И вынувши ему изъ сундука даетъ
 Большой кусокъ—гнилова хлѣба.

XX.

РАДКЛИФСКАЯ НОЧЬ.¹⁰

Заря вечерня угасаетъ,
 Агашну урну Ночь склоняетъ;
 Росу и мраки льетъ.
 При слабомъ свѣтѣ звѣздъ дрожащихъ,

Мечтаній, призраковъ парящихъ
Толпу съ собой ведешь.

Тѣ радуютъ и забавляютъ,
А шѣ дивятъ и изумляютъ
Меня въ чудесныхъ снахъ.

Другіе жъ въ плащѣ погребальномъ,
И въ видѣ мертвомъ и печальномъ,
Наводящъ чувствамъ страхъ.

Царица тихихъ размышленій,
Богиня тьмы и привидѣній
О Ночь, боязни мать!

Пріятеиъ мнѣ покровъ швой шѣмный,
Я вздохи, завыванья помню
Вѣшровъ люблю внимать!

Когда въ густѣйшіе туманы
Одѣнешся, и ураганы
Ты капишь по скаламъ;
Волна клочечъ подомною,
Дробится съ бурей глухою,
И нравишься ушамъ.

Мила ты и въ спокойныхъ сценахъ,
Когда въ лепучихъ феноменахъ
Сверкаетъ швой фосфоръ,
И легки молнии не опасны,
И сѣверны сіянья ясны
Мой занимають взоръ.

О сколь ты въ шѣ часы любезна;

Какъ зыблется пучина звѣзда
 Огнемъ несчепныхъ волнъ!
 Луга, пропинки мнѣ являешь,
 Во мракъ рощу обнажаешь,
 Въ парахъ стоящій холмъ.

Тогда въ кругу предметовъ разныхъ,
 Безыменныхъ, спрраннообразныхъ,
 Теряюсь взоромъ я;
 Давая волю киспи смѣлой,
 Волшебное имъ пишешь шѣло
 Фанпазія моя!

Подъ кровомъ мрака заблуждаюсь;
 Въ пустыняхъ . . . на гору взбираюсь,
 Сажуся и внемлю:
 Унылый вѣсперъ шо вздыхаетъ;
 Онъ завываніемъ пронзаешь
 Всю внутренность мою.

Сколь меланхолія небесна
 Тогда душѣ моей любезна!
 Люю сладкихъ слезъ попокъ . . .
 Такъ!—духи вкругъ меня порхають,
 Вздохнуль—мнѣ также опшѣчаютъ
 Чрезъ прогашельный вздохъ.

О чада шѣней и молчанья;
 Безчисленны очарованья!
 Васъ кпо не предпочтеть

Существеннымъ картинамъ бѣднымъ
 Которыхъ взоромъ охлажденнымъ
 Узрю какъ разсвѣтитъ?

XXI.

Піипическое
 СОЗЕРЦАНІЕ ПРИРОДЫ^н.

Огонь божественный, живящій
 Піиповъ силою своею,
 Въ священный шепетъ приводящій!
 Днесъ въ душу мнѣ свой жаръ пролей:
 Да вспыхнешъ оный со спремленьемъ;
 Да излетишь съ такимъ же рвеньемъ
 Какъ изъ чреватыхъ громомъ тучъ
 Перуны грозны прорываясь,
 Съ усиленіемъ вѣтровъ сражаясь,
 Спруисный свой къ намъ мещущъ лучъ.

Пусть гласу хладныхъ наставленій
 Послушенъ будешь робкій духъ,
 Но мой высокопарный геній
 Къ симъ щещнымъ увѣщаньямъ глухъ;

Надъ зѣвомъ спрашныхъ безднъ несется!
 То узря слабый, ужаснешся;
 Зане, во прахѣ онъ ползетъ.
 А мнѣ въ жару свяшаго рвеня
 Нельзя шерпѣшь порабощеня,
 Направляю выпрь орлинъ полетъ.

Празднолюбивый мужъ, проснися!
 Ты въ нѣгѣ, въ лѣноши погрязь;
 Моимъ воспоргомъ оживися,
 Внуши мой вдохновенный гласъ!
 На крылехъ генія взнесенный,
 Обкинь очами кругъ вселенный
 И виждь порядокъ чудный сей;
 Сія огни, шары блудящи,
 Міры другъ друга содержи
 Взаимной силою своей.

Узри подъ свѣтлосиннимъ сводомъ
 Прекраснаго царя планетъ,
 Кошорый неизмѣннымъ ходомъ,
 Дню съ нощю раздѣлъ кладетъ;
 Зеленой ризой украшаетъ,
 И златомъ жашвъ обогащаетъ
 Лице луговъ, полей, долинъ;
 Супругъ природы плодоносной,
 На колесницѣ свѣтоносной
 Влечетъ сонмъ дней, недѣль, годинъ.

Се нощъ покровъ свой расширяетъ,
 На черныхъ къ намъ крылахъ паря;
 Лазурь небесну зашмѣваетъ,

Объемлетъ сушу и моря.
 Зрю звѣздъ безчисленныхъ сверканье,
 И метеоровъ облистанье
 Почасу взоръ мой веселишь.
 Въ дремошѣ жъ погружая мершву,
 Земля, паровъ ношную жершву
 Изъ нѣдръ своихъ горѣ дымишь.

А памѣ печенѣемъ непримѣтнымъ
 Выходишь изъ за горъ луна.
 По пучамъ кашишь блѣдноцвѣтнымъ
 Колеса сребрены она
 Своей жемчужной колесницы;
 И меркнушь звѣзды—блескъ зарницы
 На мрачномъ сѣверѣ пошухъ.
 Луна во всей красѣ сіяешь...
 Но въ сѣни пучъ она вступаешь,
 И паки мгла простерлась вкругъ.

Но се уже заря, алѣя,
 Изъ солнечныхъ изходишь вращъ;
 Хоть сладостная лѣнь Морфея
 Еще одержишь пышный градъ.
 Какъ упрямъ Душенька младая
 Отъ Лелева одра вставая
 Горитъ спыдливостью полна,
 Такъ нѣжная заря пылаешь.
 Коверъ цвѣстистый разстилаешь
 До самыхъ полюсовъ она.

При взорахъ красныя денницы
 Спруящихъ по эѣиру свѣшь.

Угрюма ночь, закрывъ зѣницы,
 Во преисподняя печешь.
 Цвѣшки возникли, оживились,
 Лишь только свѣтлой насладились
 Улыбкою лица ея;
 Сосудцевъ ихъ полузакрыпыхъ,
 Рососою ушренней налипыхъ,
 Блеспятъ эмальные края.

Вдругъ солнцемъ рѣки засверкали
 Въ цвѣшущей зелени береговъ;
 Листики деревъ запрепечали
 Въ объятыхъ тонкихъ вѣперковъ.
 Поля оживлены спадами;
 И въ воздухѣ и надъ водами
 Ликующъ ппичекъ голоса! ...
 Кто даспъ, кто даспъ мнѣ киспъ Апелла!
 Но нѣспъ—и та бы не умѣла
 Сии представитъ чудеса!

Природа! сколько удивляешь
 Меня въ величїи своемъ;
 Когда громами ты вѣщаешь,
 И молненнымъ дождишь огнемъ!
 Въ благоговѣнны созерцаю;
 Въ воспоргѣ выше бурь взлещаю,
 Пою свѣшилъ печенье, блескъ;
 Живописую черны шучи,
 Глашу шумъ волнъ, и вѣпръ ревучій;
 Спихій мяшежныхъ грохотъ, шрескъ.

О вы, что пѣснями своими
 Очаровали древній міръ;
 Безсмертныхъ Музъ сыны любимы!
 Кто спроилъ поны вашихъ лиръ?
 И сей небесный огнь священный,
 Съ Олимпа вами похищенный,
 Скажите, кто изъ васъ изпоргъ?
 Природа—вамъ она раскрылась:
 И искра генія вспалилась,
 И излился души воспоргъ.

Се есть священное рожденье
 Искусствъ пріятныхъ и драгихъ,
 Въ копорыхъ смертнымъ услажденье
 Опгъ гореспей житейскихъ, злыхъ.
 Такъ живописецъ насъ плѣняетъ,
 Когда природѣ подражаетъ
 Въ ея изяществахъ для насъ;
 И стихопворецъ вдохновенный
 Со звукомъ лютни сладкопѣвной
 Спрягаетъ свой высокій гласъ.

ЦИРЦЕЯ.

Седьмая каншапа Жанъ Баписша
Руссо.

На сѣромъ камени, пуспынномъ и высокомъ,
Вершина коего касалася небесъ,
Цирцея блѣдная, въ опічаянны глубокомъ,
Лила попоки горькихъ слезъ.

Опшуда по волнамъ глаза ея блуждали,
Казалось, что они Улисса тамъ искали;
Еще ей мнился зрѣшь Героя своего,
Сія мечша въ ней грудь стѣсненну облегчаетъ;
Она зовешъ къ себѣ его,

И гласъ ея спокрапъ рыданье прерываетъ:

„Винovníкъ моего мученья,

„Ахъ, возвратись въ спрану сію;

„Не о любви тебя молю,

„Приди, хопя изъ сожалѣнья,

„Кончину ускорить мою!

„Хопъ сердце бѣдное мое сраженно,

„Есть жершва пагубной къ тебѣ любви,

„Хотя обмануто тобой, презрѣнно,
 „Но пламень злой еще горитъ въ крови:
 „И ахъ, ужели нѣжность пресупленье
 „Чтобы шлокое заслуживашъ презрѣнье?
 „Винovníкъ моего мученья,
 „Ахъ, возвратись въ спрану сію!
 „Не о любви уже молю:
 „Приди хотя изъ сожалѣнья
 „Кончину ускоришь мою!,,

Такъ въ жалобахъ она скорбь сердца изливаетъ;
 Но вскорѣ къ своему искусству прибѣгаетъ,
 Чѣмъ возвратишь назадъ любви своей предметъ;
 Всѣ адски божества она къ себѣ зоветъ:
 Коцитъ и мрачный Спиксъ, Цербера, Тизифону,
 Злыхъ Фурій, грозныхъ Паркъ, Гекапу непреклонну.
 Кровавы жертвы ужъ препещутъ на кострахъ,
 И въ мигъ ихъ молнія преобразаетъ въ прахъ!
 Тяжелые пары свѣтъ солнца заимѣваютъ;
 Боязненно свой бѣгъ планеты прерываютъ;
 Рѣка со ужасомъ къ вершинамъ вспять бѣжитъ;
 И самъ Плутонъ въ своихъ убѣжищахъ дрожитъ.

Гласъ ея страшный
 Двигнулъ весь адъ;
 Громы ужасны
 Глухо гремятъ;
 Облаки мрачны
 Ясный день тмятъ.
 Земля препещетъ,
 Спрахомъ полна;

Яростно плещешь
 Бурна волна;
 Съ ужасомъ мещешь
 Взоръ свой луна.

И шѣни адскія, внявъ яры заклинанья;
 Изъ бездны сумрака, блѣднѣя, поднялись;
 Ихъ просяженныя, унылы завыванья,
 Далеко въ воздухѣ со стономъ раздались—
 И вѣлтры съ наглостью заклепы горь прорвали;
 И съ плачемъ шрепешнымъ и спрашнымъ шѣмъ
 смѣшали

Свой шумъ, и ревъ, и вой, и свиспъ!
 Усилья шщешныя—любовница нещаспна,
 Ты надъ всесильною любовію невласпна!
 Хошь землю можешь пошряспи,
 И адъ въ смятенье привести,
 Того не сдѣлаешь шы ярошью ужасной,
 Чего швой взоръ прекрасной
 Не могъ произвести.

Такъ; независмъ купидонъ;
 Свои права онъ защищаетъ;
 Не терпипъ принужденья, онъ;
 По волѣ смершныхъ надѣляетъ:
 Предписывая всѣмъ законъ,
 Закошовъ самъ ничьихъ не знаетъ—
 Гдѣ шронъ споляъ зимы сѣдой,
 Туда зефировъ легкій рой
 Съ прекрасной Флорой возврашился

Эолу Алкіонъ 12) отдасть
 Свою надъ моремъ крашку власть,
 Но паки ею насладишься;
 Но никогда, никакъ, ни чѣмъ
 Къ себѣ опять не привлечемъ
 Любовь, которая однажды удалишься!

XXIII.

АМИМОНА.

Пятая кантапа Жанъ Баписпа Руссо.

Въ странѣ Аргивской, шамъ, гдѣ моря волны рьяны
 Оплескивають брегъ песчаный,
 Юнѣйшая изъ Данаидъ,
 Воздѣвши руки въ верьхъ, спояла Амимона:
 Отъ Фавна дерзкаго красавица бѣжишь,
 И слезно молишь Посейдона,
 Да отъ насильства онъ невинность охранишь.
 „Посейдонъ! бурныхъ водъ смиришь,
 „Поспѣшну помощь мнѣ яви;
 „Будь чести, жизни будь спасишь
 „Отъ звѣрскія любви!

„Увы! ужели раздается
 „Вошще по воздуху мой спонъ?
 „Или искашь мнѣ оспаешся
 „Спасенья въ безднѣ ярыхъ волнъ!

„Услышь, Посейдонъ, повелишель!
 „Поспѣшну помощь мнѣ яви!
 „Будь чеспи, жизни будь спасишель
 „Опъ звѣрскія любви!“

Такъ дочерь Данаева возносишь гласъ плачевный,
 И видишь вдругъ она, чпо сильный богъ морей
 Своимъ послѣднемъ блестящимъ окруженный,
 Разсѣявъ страхъ ея, грядетъ во славу къ ней;
 И Амфиприи онъ однажды шакъ явился,
 Когда за нимъ шекли Амуръ и Гименей.
 Его узрѣвый Фавнъ опъ берега удалился,
 А богъ имѣющій въ рукѣ презубецъ злать,
 При видѣ дѣвы самъ любовію объащъ,

Вѣщающъ къ ней шакъ обратился:

„Никто, прекрасная княжна,
 „Вредишь тебѣ да не посмѣешь;
 „Кпо нѣжнымъ бышь въ любви умѣешь,
 „Къ шому и шы явись склонна.

„Ахъ шаспливъ, шаспливъ шопъ безъ мѣры
 „Кпо нравень сердцу швоему!
 „Въ объащіяхъ самой Венеры
 „Приревноваль бы Марсъ къ нему.

„Никто вредишь да не посмѣешь
 „Тебѣ прекрасная княжна!

„Кто съ нѣжностью любить умѣетъ;
„Къ тому, къ тому лишь будь склонна!,,

О какъ легко богамъ склонить дѣвицу юну!

Все въ пользу спрасиному Непшуну
Служило въ оный часъ: величіемъ блискаль;
Вкругу Трипоновъ, Нимфъ, во славѣ свѣшозарной,
Припомъ же помощью ее онъ обязалъ.

Но эполь помощь? о Амуръ, Амуръ коварной!

Игра твоя и тушь видна;

Помощника сего она

Должна бы болѣе всѣхъ Фавновъ опасаться

Уже Оешидино чело румянилъ спыдъ,
Она опводишь взоръ; Дорида же спѣшилъ
Во влажные свои вертепы погружаться,

Увѣщевая Нереидъ

Подобныхъ случаевъ разумно удаляться:

Вы будьте, о Нимфы,

Всегда оспорожны!

Приманчивы рѣчи

Любовниковъ ложны;

Когда мы опасность

Предвидѣшь не можемъ;

Ее намъ избѣгнушь

Труднѣе всего.

Любовниковъ дерзкихъ

Избавишься можно,

Прошивныхъ и грубыхъ

Ошвадишь легко.

Тотъ больше опасенъ

Кто льстивъ и прекрасенъ;

Спрашитесь, о Нимфы;
Всѣхъ болѣ того!

XXIV.

ДВѢ ОДЫ ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

1

Похвала Вакху.

Vacchum in remotis carmina rupibus, &c.

Размѣромъ подлинника.

$$\left\{ \begin{array}{l} v-v-v, -vv-vv \\ v-v-v, -vv-vv \\ v-v-v-v-v \\ -vv-vv-v-v \end{array} \right\}$$

Въ стремнинахъ дальныхъ (вѣру дадите мнѣ!)

Я видѣлъ Вакха пѣсноучишеля

Дріадъ и Нимфъ и козлоногихъ

Сашировъ, внемлющихъ ухомъ острымъ.

Эвое! смущеннымъ духъ мой веселиемъ

Объятъ—волнуюсь, Вакхомъ исполнена

Моя препещень грудь пощады!

Либеръ 13) ¹ пощады, грозящій ширсомъ!

Теперь я въ силахъ пѣшь о ликующей
 Оіадѣ 14); пѣшь, какъ млечные, винные
 Ручьи въ берегахъ спруяпся пучныхъ
 Каплюшь меда изъ дупловъ древесныхъ.

Вънецъ супруги 15) въ звѣзды пославленный,
 Черногоъ Пенѳеевъ въ пияжкихъ развалинахъ,
 Оракійскому за злосъ Ликургу
 Смертную кару воспѣшь я въ силахъ.

Ты удержишь рѣки, море въ послушности;
 Тобой внушенна, въ дебряхъ Вистоніи 16)
 Свои власы дерзаетъ Нимфа
 Связываешь шуго змѣей какъ лентой.

Когда Гиганты горды воздвигнулись,
 Тогда защитникъ опчаго царствія,
 Вонзилъ ты львины когти въ Рета,
 Люпымъ его опразилъ ударомъ.

Хотя дополѣ всякому мнилось
 Что ты рожденъ лишь къ играмъ и пиршесствамъ.
 Но ты явился сколько къ мириымъ,
 Столько и къ браннымъ дѣламъ способенъ.

Злапымъ украсясь рогомъ, низходишь ли
 Во адъ—внезапно Керберъ смиряется;
 Ползешь къ тебѣ, хвостомъ ласпяся,
 Ногу прѣмя языками лижешь.

Къ Венерѣ.

O Venus regina Cnidi Paphique &c.

Оставь блестящій храмъ Книдійской
И рощи Пафоса, спушись Венера къ намъ!
Мы съ Клоей ждемъ тебя; олтарь и Оиміамъ
Готовъ уже: приди, простой нашъ домикъ низкой
Преобрази во храмъ!

Не позабуди припомъ Амура взявъ съ собою
И поясъ Граціамъ спыдливымъ развяжи;
Пусть смѣхи, игры къ намъ веселою толпою
Съ Эрміемъ пришекутъ, и съ младостью драгою,
Которы безъ тебя, какъ будто безъ души.

XXV

ВИДѢНІЕ МУСУЛЬМАНИНА.

(съ французскаго, г на Дората)

По дневномъ зноѣ, наслаждались
Прохладной шправки и цвѣшки;

Любовниковъ въ сѣниси рощи
 Благопріятный сумракъ звалъ;
 Межъ тѣмъ какъ солнца лучъ вечерній
 На башняхъ догоралъ злапыхъ,
 И на спокойномъ, синемъ морѣ.

Въ пространствѣ пышныхъ тѣхъ садовъ
 Которы прилежатъ къ сералу,
 На зашпозитанныхъ коврахъ,
 Младья, милья Султанши,
 Въ сердечной помнощи своей
 Прохладу вечера вкушали.
 Угрюмые прислуги ихъ
 Своимъ несиоснымъ надзираньемъ
 Еще и тушь поску ихъ длашъ—
 Такъ точно ударовъ Помоны
 Для опогнанья хищныхъ пшахъ,
 Надъ грядами торчашъ пужало—
 Въ роскошныхъ перемахъ своихъ
 Не поминшъ о мечеши муфшій;
 Подъ сѣнію ясминовъ, розъ,
 На грудь любимицы прекрасной
 Склонилъ онъ пьяное чело,
 И попоивъ въ винѣ разсудокъ,
 Объ алкоранѣ онъ забылъ,
 И о пророкѣ, и о Богѣ.

Младой Узбекъ, во цвѣтѣ лѣтѣ
 Мудрецъ и испины искашель,
 Въ сіи спокойные часы
 Бродилъ задумчиво вдоль брега:

Онъ со слезами размышлялъ
 Объ участи людей несчастныхъ:
 Даюся всѣ они въ обманъ,
 И злымъ приносяся на жертву!—
 Узбекъ былъ мужеспвенъ и добръ,
 Другъ угнѣпленнымъ, врагъ шираннамъ;
 Съ негодованьемъ видѣлъ онъ
 Обезображенную вѣру,
 Обманъ, и ярый фанатизмъ
 Основанный на заблужденьяхъ:
 Въ законодатель своемъ
 Богосквернишеля онъ видѣлъ,
 И надъ главами гражданъ всѣхъ
 Висящій видѣлъ мечъ ширансва!

О Царь небесъ! онъ возопилъ,
 О Ты, который прозираешь
 Всѣ помыслы души моей,
 И внемлешь вздохи, видишь слезы!
 Пролей въ меня свой чистый свѣтъ
 Судя мнѣ будь и утѣшишешь!
 Ошкрой, какимъ служеньемъ мнѣ
 Снискашь Твое благоволенье?
 И гдѣ, Великій, Дивный Богъ,
 Гдѣ истина Твоя сокрыта?...
 Пророка мнимаго рекушь
 Быть проповѣдателемъ оной,
 А я не нахожу того—
 И какъ въ невѣденъи шолокомъ
 Душъ сомнѣннй не имѣшь?

Но Ты о Господи, во славъ
 Очамъ заблуждшихся явись.
 Да всякъ вонмешъ швой гласъ: рцы смертнмъ:
Се есмь, и се есть мой законъ!
 Вели, да шрубы бурь гремящихъ
 Тебя языкамъ возвъспияшъ;
 И ешлы молніей разящей
 Твою десницу ополчишъ,
 Да ниспадешъ она на Маговъ
 И на жрецовъ, кошоры въ насъ
 Своимъ нелѣпымъ лжеученьемъ
 Твой свѣшъ стараются зашмишъ.
 Будь самъ и Богъ и Архипасшырь:
 Божницы всѣ низвергни въ прахъ;
 Да исповѣдуешъ вселенна
 Тебя подъ именемъ однимъ,
 И солнце обтекаая землю,
 Вездѣ да узришъ храмъ одинъ!

Такими изливаль рѣчами
 Узбекъ желанія свои.
 Его по дневномъ ушомленьи
 Пріяла роща въ шиху сѣнь;
 При корнѣ пальмы благовонной
 Тамъ сладкому онъ вдался сну.
 Вздремаль—и въ голубомъ эеирѣ
 Зришъ шысячи сребриспыхъ шучъ,
 Кошорыя подобно морю
 Шпруясь и зыблясь въ вышпѣ,
 Скопились надъ главою Узбека,

И свѣтлой лѣспвицей къ нему
 На лугъ спустились попохоньку;
 Изъ свѣтлозарной ихъ среды
 О чудный сонъ! младыя дѣвы
 Текутъ попарно—наги всѣ;
 Небесныхъ жишелей достойны
 Своими прелестными онѣ:
 Цвѣтущи ихъ уста румяны
 Вокругъ исполнили эфиръ
 Сладкоуханными вонями,
 Любовь изъ взоровъ ихъ лилась.
 Узбекъ по прелестямъ несчепнымъ
 Носился окомъ—пилъ любовь;
 Куда ни обращался, всюду
 Подобно на морѣ волнамъ
 Пріятства новы изникали
 Раждалась новая краса—
 На златоогненной вершинѣ
 Таймственнаго схода пучъ
 Былъ виденъ сановиный спарецъ.
 Сколь древенъ ни казался онъ,
 Но очи у него сіяли
 Безсмертной юности огнемъ.
 Порхали вокругъ его амуры
 Обвивши головы чалмой,
 И легкихъ помаваньемъ крылій
 Его волнуя долиманъ,
 Въ изгибахъ ризы соболиной
 Лукаво, прячущся они;
Аллá аллá! взывая часпо—

(Священное Магомешанъ
Нарѣчіе и имъ не чуждо)

Возсшали вихри, грянуль громъ
И лѣствица съ ужаснымъ прескомъ,
Вся вдоль до верьху попряслась.
Съ небесныхъ же высотъ прикрасы
Неслись глаголы:,, Магомешъ
Благословенъ да будешь присно!,,
Тогда священный шарецъ рекъ:
Се часъ приспѣлъ, тебя наставишь
Въ наукѣ щастья, о Узбекъ!
Умѣйся; многого желаешь—
Внемли что изреку тебѣ.
Не есмь уже обманщикъ оный,
Употреблявшій всё—и мечъ,
И чудеса, и краснорѣчье,
Чтобы водить умы людей:
Въ невѣжествѣ Аравишянамъ
Тогда пошребенъ былъ обманъ,
Тебѣжъ пошребно наставленье.
Уйми излишнихъ жалобъ спонъ,
Оспавъ сіи мольбы, сей ропотъ:
Часы лепяшъ, лепяшъ спрѣлой,
А вопль пшвой ни кому не вняшенъ;
Текущій мигъ невозвратимъ,
Усыпъ же слѣдъ его цвѣтами—
Когда во всемъ на сей землѣ 17)
Мудрецъ несовершенство видишь,
Онъ долженъ утѣшаться шѣмъ

Чшо сѣмя совершенства спѣетъ
 Въ его душѣ—чшо зло пройдетъ,
 Исплѣетъ съ плошю земною,
 А живъ вовѣки онъ—и Богъ!
 Но ты желаешь дерзкій смерпный
 Чшобъ просвѣщилъ тебя швой Богъ?
 Не отъ Неголь имѣешь разумъ,
 Свѣщильникъ въ жизненномъ пущи;
 И пламенѣющее сердце,
 Кадило вѣчное любви!
 Еще ли ты шого желаешь,
 Чшобъ освѣшилось для тебя
 Недосыгаемое оку,
 Непоспнжимое уму?
 Тебѣ начерпанны границы,
 Тебѣ законъ въ душѣ швоей;
 Она гласитъ тебѣ немолчно:
 Будь добръ, и будешь ты блаженъ!
 Будь добръ, правдивъ и правосуденъ,
 И спраждущему соспрадай;
 Прими въ покровъ швой нищихъ, сирыхъ;
 Невинныхъ слабыхъ защищи!
 Клянись быть другомъ челоуѣковъ,
 Будь шолько ненависпникъ злыхъ.
 Когда попрамъ ты предразсудки,
 Терпимостъ мнѣнъямъ дай людскимъ,
 И уважай всѣ ихъ обряды!

Кшо зиждетъ и объемлетъ вся,
 Того обрядами не можешь

Ни ублажишь, ни оскорбишь:
 Къ спасенью нѣтъ инаго средства
 Какъ только добрая дѣла;
 Къ молишвѣ нѣтъ инаго мѣста
 Какъ только умиленный духъ;
 Воспокъ и западъ, югъ и сѣверъ
 Предъ Богомъ сушь единый пунктъ,
 И вся ему мечешъ вселенна.

Но данной мною алкоранъ
 Обуздываетъ чернь спропшиву:
 Да будетъ же тебѣ онъ свящъ,
 Хотя и шѣмень бы казался,
 Хотябъ былъ пусщъ для мудреца;
 Ты зришь на свѣтѣ мало мудрыхъ,
 Къ юродивымъ же снизходи;
 И знай, что *лате есѣхъ юродивъ*
Есть тотъ, кто неумѣстно мудръ!
 Неси съ покорствомъ иго обще.

Когда исполнишь долгъ свяшой
 Который совѣсть налагаетъ,
 Тогда къ забавамъ ты шеки
 И къ удовольствіямъ сердечнымъ!
 Вліявшій въ шварей чувства Богъ
 Не запрещаетъ наслаждаться;
 Пріятны, крошки спраспи въ насъ
 Питающъ дѣятельность жизни;
 Любовь намъ опъ небесъ дана,
 Чшобъ усладишь земное горе.
 О юноша, пади къ спопамъ

Любезной дѣвы—будь съ ней щасливъ!
 Вкуси, но мѣръ не пресступай,
 Чтوبъ тѣмъ вкушашъ живѣе, долѣ.
 Разборчивъ, нѣженъ будь въ любви,
 Блюдиcь неистовства, разврата;
 Разкаянье не ходишь въ слѣдъ
 За удовольствіемъ невиннымъ;
 Все то что вредно, есть порокъ;
 Не роскошь сладостная мудрыхъ.

Храни же все сіе въ умѣ,
 Благополучіе обрящешь;
 И наконецъ, когда опдашь
 Обратно плоть свою стихіямъ,
 Тогда безсмертная душа
 Очищенна и утонченна,
 Переселится въ небеса
 И будешь опчасу блаженнѣй.
 Ты ниспускающихъ зришь
 По лѣствицѣ небесныхъ Гурій:
 Онѣ твоими будутъ всѣ—
 Непоспѣжиму, вѣчну радость
 Получишь за минушну скорбь,
 И за минушну добродѣтель,, — . . .
 Все скрылося—проснулся онъ,
 Симъ чуднымъ занявъ сновидѣньемъ:
 Еще онъ вечеръ думалъ зрѣшь,
 Мерцанье упреннее видя.
 Но что еще увидѣлъ онъ?
 Дражайшая его Азема

Лепись въ объятія къ нему,
 Сквозь слезы радостны пеняя.
 Сія невольница млада
 Любима нѣжно господиномъ,
 Всю ночь Узбека своего
 Искала, кликала вдоль берега,
 И на разсвѣтъ лишь нашла;
 Еще въ очахъ ея прекрасныхъ
 Прошедшій страхъ написанъ былъ:
 Но въ случаѣ любовь умѣешь
 И робкому опвагу дашь—
 О сколькожъ ты теперь, Азема,
 За весь свой прудъ награждена
 Въ Узбековыхъ объятяхъ спрашнихъ! . . .
 Обѣщанный пророкомъ рай
 Вы путь же оба предвкусили:
 О восхищенье! о восторгъ!
 Кусшарники, цвѣты душисты,
 Связующихъ васъ сладкихъ узъ
 Одни свидѣтели нѣмые.
 Сей лѣсъ, священный передъ тѣмъ,
 Теперь сугубо освящился
 Чрезъ наслаждение двухъ сердецъ
 Горящихъ чистою любовью!
 Но оба наконецъ они
 Въ свое жилище возвратились.

Отъ сновидѣнья своего
 Узбекъ переродился духомъ;
 Уразумѣлъ онъ, что земля

Обишеть вѣчныхъ заблуждений;
 Что голосъ мудрыхъ одинокъ,
 И что глупцамъ не вняшенъ оный—
 Узбекъ по прежнему былъ добръ,
 Но не ропшалъ уже на небо;
 По прежнему философъ былъ,
 Но вѣщающее обрѣлъ спокойство;
 Обманъ и глупость видя онъ,
 Уже не столько раздражался,
 И никому не объявлялъ
 Что онъ не вѣришь Алкорану;
 Жрецовъ, Дервишей спалъ терпѣль;
 Оставилъ пьянствовавшихъ Имановъ,
 И истину съ пѣхъ поръ искалъ
 Во удовольствіяхъ сердечныхъ.

П Р И М Ъ Т Я М Я

Къ первой части.

Фантазія.

1.) Стран. 4. „Съ Сентъ Пьеромъ вѣчный миръ даю“ Аббатъ де Сентъ Пьеръ, философъ-мститель, добрый и чувствительный, извѣстный проектами своими о всемирной республикѣ и о вѣчномъ мирѣ.

Пѣснь Лунѣ.

2.) Стран. 9. „На Лашмосѣ и прот.“ Имя горы на которой спалъ Эндиміонъ.

Зима.

3.) Стран. 14. „Въ мирѣ уживемся съ міромъ“ Аллюзія на извѣстной стихъ Карамзина: пошъ въ мирѣ съ міромъ уживешся. Здѣсь, можетъ быть, къ стати замѣтить, что первые изъ сихъ Лирическихъ олытовъ сочинены прилѣжнымъ титателемъ Московскаго журнала и Алаи.

Диѳирамбъ Глѣбности.

4.) Стран. 24. „Его бы душу принялъ Богъ“—А. Д. Ф. въ сей поэмѣ облакиваемый, скончался 1800 года, 22 хъ лѣтъ отъ роду—въ самое то время и

Автору слутилось лежать въ безпамятствѣ смертельной горятки; роковая еѣсть о смерти друга дошла до ушей его какъ бы сквозь сонъ. Но когда онъ сталъ оправляться, тогда ощутилъ великость своей траты: къ сладкому тувству выдараиванья примѣшалась тихая горестъ, болѣе и болѣе—тогда же и другія обстоятельства другимъ образомъ сильно его трогали; и плодомъ сихъ соединенныхъ тувствованій былъ Днейрамъ Тѣвности.

Парнасъ.

5.) Стран. 42. Изъ множества Поэтовъ, встрѣтавшихся сновидцу на Парнасѣ, наименовалъ онъ только тѣхъ, коихъ лица были ему тогда познакомѣ, и (что не менѣе важно) коихъ имена могли устави́ться въ десятистишіи.

Осень.

6.) Стран. 47. „Зевсъ дождливый.“ Сей прекрасной Доеневъ эскизъ сотиненный для плафона, выразированъ въ Академіи Художествъ Гмъ Скотниковымъ. Доенъ, утеникъ славнаго Карла Ванлоо и учитель Давида, во многомъ разняется съ тѣмъ и съ другимъ. Онъ упражнялся наиболѣе въ родѣ плафоновъ. Упомянутый эскизъ сотиненъ имъ въ лутшіе его лѣта въ Парижѣ, откуда Доенъ при наталѣ революціи выписанъ былъ въ Россію для Петербургской Академіи Художествъ. Телерь онъ старъ. Но и те-

перь можно удивляться въ немъ этой французской живости въ словахъ и поступкахъ, этому еще искрѣющему огню, который прежде жаркимъ пламенемъ изливался.

Ода къ флору.

7.) Стран. 50. Сафитеской размѣръ употребленный въ сей одѣ, состоитъ, какъ видитъ вниматель, изъ 3 Сафитескихъ пятистольныхъ стиховъ въ коихъ средняя стопа Дактилъ, а протія Хореи; и изъ Адонитескаго двустольнаго стиха, Дактиля съ Хореемъ.

Въ трехъ большихъ стихахъ послѣ 5 го слога пресѣченіе съ которымъ непременно должно окантиваться слово. Налр.

Гдѣ	пы	мой	Кле	аншъ ,	я	взды	х	а	я	думаль
Чшобъ	со	мнои	ше	перь	раздѣ	ляшъ	вос	шорги		
Гдѣ	вы	всѣ?	гдѣ	Флоръ?	гдѣ	А	рисшъ?	Фи	лонъ	мой
			гдѣ	не	за	бвенный?				

Гораций, который написалъ много одъ Сафитескимъ размѣромъ, ввелъ въ нихъ таковое пресѣченіе, чтобъ нѣкоторымъ образомъ усилить Кадансъ. Сама же Сафо изобрѣтшая сей размѣръ, не употребляла въ ономъ опредѣленныхъ пресѣченій. Вотъ для примѣру ея стихъ:

— О	^v Ха	— ^v рипы!	— ^v нынѣ	^v ко	— ^v мнѣ	— ^v скло	— ^v нишесь,
— ^v А	^v ф р о	— ^v дишинъ	— ^v радоспный	^v пронъ	— ^v о	— ^v спавивъ,	
— ^v Вы	^v къ Фа	— ^v о н у	— ^v м и л о м у	^v п о н е	— ^v с и ш е		
			— ^v Са	^v ф и н ы	— ^v вздохи.		

Въ послѣднемъ видѣ Сафитеской стихъ самъ по себѣ мягче и, такъ сказать, нерадивѣе; а тѣмъ онъ способнѣе для нѣжной поэзіи.

Къ Борею.

8.) Стран. 52. Гораціанской размѣръ по имени Горація названъ потому, что таще всего употребляется въ его одахъ. Размѣръ же сей собственно принадлежитъ Греѣскому стихотворцу Алцею.

Строфа Гораціанская или Алцейская въ первыхъ двухъ стихахъ имѣетъ два Ямба, краткій слогъ дѣляющій пресѣтеніе, и два Дактиля—въ третьемъ стихѣ тетыре Ямба съ краткимъ слогомъ на концѣ—въ четвертомъ два Дактиля и два Хорея. Но въ сей піесѣ сдѣлана въ томъ маленькая перемѣна: отъ четвертаго стиха на концѣ одинъ слогъ отнятъ:

<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>
Борей	доко	лѣ	будеши сви	рѣспшоваиѣ
<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>
Дождь хла	дный съгра	домъ	сыпашъ не	успальнио
<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>
И да	же снѣгъ	зима	преста	ла
— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i>	—	
Злой истре	бишель! не	пронъ ве	снѹ.	

Ник. Ал. Радищевъ, предложивши въ стихи одно мѣсто изъ Оссіановыхъ лѣсней, употребилъ Горацианской размѣръ, не наблюдая однако въ первыхъ двухъ стихахъ пресѣтенія и отнявъ два слога на концѣ, такъ что послѣдній стихъ состоитъ изъ двухъ Дактилей и одного Хорея:

<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>
Се ночь!	я здѣсь	сѣ	дѣща	на камени
<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>
Шумишъ	здѣсь вѣпръ	но	сящійся	ярошно
<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i> —	<i>v</i>
Спруя	съ верши	ны	острой	воешь
— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i> <i>v</i>	— <i>v</i>	
Гдѣ мнѣ	опѣ	бури	у	крышья

Въ помѣщенной же на страницѣ 84 сихъ Лирическихъ олытовъ, Горациевой одѣ къ Вакху употребленъ полной Горацианской размѣръ.

Всѣ сии пробы Дактилитескихъ и иныхъ разностолныхъ стиховъ не для того выставлены, чтобъ

требовать точнаго или подражанія, и хотѣть на Русскомъ языкѣ именно Сафическихъ, Алцейскихъ, Асклепіадейскихъ, Ферекрапійскихъ стиховъ. Нѣтъ; пусть бы это только побудило молодыхъ нашихъ поэтовъ заняться обработаніемъ собственной нашей Просодіи, не ограничиваясь въ однихъ Ямбахъ и Хореяхъ, но испытывая всѣ пути, пользуясь всѣми пособіями которыя предлагаетъ намъ Славенорусскій языкъ, благолѣпный и звучный.

Ибраимъ.

9.) Стран. 67. „Фернандъ благочестивый“—Фердинандъ прозванный Католическимъ, Король Арагонской, положившій конецъ владычеству Мавровъ въ Гишланіи.

Радклифская нощь.

10.) Стран. 70. Изъ романа *La forêt*, сочиненія известной Анны Радклиффъ.

Плутическое созерцаніе.

11.) Стран. 73. Сія ода есть отчасти переводъ, отчасти подражаніе Французской оды: *Fureur poétique à l'aspect de la nature*, которая помѣщена въ *Abeille française*.

Цирцея.

12.) Стран. 81. Алкіонъ птица, о которой Мифологія повѣствуетъ слѣдующее: Алкіона, Золота дочь, потерявши на морѣ любовника своего прекраснаго Цейкса, сына утренней Звѣзды, сътовала о томъ и крушилася столько, что Боги изъ сожалѣнія превратили ее въ птицу, и она не престаётъ искать возлюбленнаго своего на водахъ. Алкіонъ есть птичка маленькая и пѣніе ея имѣетъ въ себѣ нѣчто унынное: когда она вьетъ гнѣздо и высиживаетъ птенцовъ, тогда вѣтры изъ потѣнія къ любви ея, удерживаютъ свое дыханіе и море становится гладко какъ стекло. Такіе прекрасные дни называются Алкіонскими.

Похвала Вакху.

13.) Стран. 84. Либеръ одно изъ Вакховыхъ прозвищъ у древнихъ Римлянъ; значитъ: вольный.

14.) Тіадами назывались Вакховы жрицы или Вакханки.

15.) Стран. 85. „Вѣнецъ супруги и пр.“ Драгоценный вѣнецъ Аріадны подаренный ей Венерою для брака ея съ Вакхомъ на островъ Наксъ, и по смерти ея помѣщенный въ созвѣдія.

16.) Стран. 85. Виспонія инаге Тиракія, страна въ которой особенно процвѣтало богослуженіе Вакхово. У Горація въ сей одѣ Вакханка названа Виспонидою.

Видѣніе Мусульманина.

17.) Стран. 91. Отъ стиха: когда во всемъ на сей землѣ и пр. до стиха: когда исполнишь долгъ свяшой нѣсколько отступлено отъ Французскаго оригинала въ разсужденіи излагаемой тутъ философіи.

Конецъ первой части.

О П Е Ч А Т К И

спран.	срок.	напечатано	чишай
2 —————	24	чшо	Чшо
3 —————	16	нагелами	ангелами
10 —————	5	Онъ спишь сей ю—	Онъ спишь, сей
		ноша прелесный, юноша прелесный,	
13 —————	9	вновъ	вновъ
44 —————	9	Топѣли	То пѣли
75 —————	29	свѣшь.	свѣшь,
85 —————	3	шучныхъ	шучиныхъ,
86 —————	16	Прохладной	Прохладой
87 —————	15	ударовъ	у даровъ